

МАРИЯ УНТ

ДАР

C&K

Мария Унт

Дар

«Издание книг ком»

2014

Унт М.

Дар / М. Унт — «Издание книг ком», 2014

Роман «Дар» – это не фантастика, не исторический роман и не роман о любви. Эта книга – исповедь незнакомки своему палачу. Родившаяся в начале XX века Маргарет сбегает из дома с бродячим цирком, не подозревая об истинных намерениях артистов. Волею случая героиня открывает в себе удивительные способности к самоисцелению и становится желанным трофеем для основателя одного из самых страшных тайных обществ Англии. В борьбе за жизнь и свободу Маргарет предстоит узнать тайну своей семьи, пережить смерть близких людей и обрести любовь.

© Унт М., 2014

© Издание книг ком, 2014

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Мария Унт

Дар

Часть 1

Глава 1

Случалось ли вам, увидев человека, сразу сказать себе: он – тот, кого я искала всю жизнь? Если да, то вы сможете понять мою историю.

Прошло много времени, но я до сих пор помню, как впервые осознала, что отличаюсь от других. Не подумайте, что я обладала какими-то экстрасенсорными способностями, или умножала в уме дробные числа, или же вдруг начала говорить на десяти языках. Нет, с виду я была обычным ребенком, но внутри ощущала себя не такой, как все. При близком общении мои ровесники чувствовали это и старались избегать моего общества, что вовсе не мешало мне наслаждаться детством.

Моя семья жила за городом, в большом доме – Солнечном Ларце. Никто не помнил, откуда взялось это название, но тем не менее, даже местные жители приняли его. Я думаю, что отчасти оно связано с огромным количеством окон в нашем доме, особенно на втором этаже. В других домах того времени их было гораздо меньше, но мои дед и отец, спроектировавшие Солнечный Ларец, хотели, чтобы в доме всегда сияло солнце. Так оно и было, по крайней мере какое-то время.

Когда я родилась, в Ларце жили девять человек: мои родители, два моих брата, сестра, садовник, экономка, горничная и кухарка.

Не могу сказать, что родители очень хотели и ждали меня. У них и так уже было трое детей. Родилась я 16 ноября 1896 года. Моя мама Лора рожала долго и тяжело. Доктор не давал ей почти никаких шансов на благополучный исход.

Но врачи ведь не боги и могут ошибаться. Мама выжила, правда, чтобы оправиться после родов, ей потребовалось несколько месяцев. Себя я помню примерно с четырех лет, хотя и эти воспоминания кажутся сейчас размытыми. Отлично помню, как выглядело платье, в котором я была на именниках своего кузена Франца, но не могу вспомнить лиц своих родителей, точнее, как они выглядели тогда, как себя вели, как общались друг с другом. Память очень избирательна и порой жестока с нами. Зачастую она стирает все приятные воспоминания или же притупляет настолько, что сложно поверить в их реальность. Дурные моменты отпечатываются иногда гораздо сильнее, чуть ли не до мельчайших подробностей, и даже спустя годы бывает стыдно и неприятно за них. Именно такое воспоминание кажется мне сейчас одним из первых в моей жизни. Я тогда была слишком мала, чтобы полностью осознавать и понимать все детали случившегося, но позже эту историю во всех подробностях мне рассказала наша экономка, преданная и трудолюбивая Жанна.

Рано утром отец и мои братья ушли на охоту. Я же с мамой и десятилетней сестрой Дианой осталась дома. Диана, как всегда, носилась по Ларцу, разбивая и круша все на своем пути, а я и мама отдыхали в саду. Наш сад, не очень большой, находился прямо за домом. За садом был лес, который, на первый взгляд, казался довольно редким, но стоило углубиться в него, как начинались дебри. Мать читала книгу, а я под одной из яблонь играла с куклами. Внезапно со стороны леса раздался шорох и послышался треск веток. Мы с мамой насторожились и повернули головы в сторону звуков. Вскоре из леса вышел мужчина. Мама тут же подошла ко мне и взяла на руки. Наверное, она испугалась, – пришелец вел себя довольно странно. Он был

высок и широкоплеч, в испачканной и местами порванной одежде, щетина на лице говорила о том, что человек, видимо, уже неделю не брился. Он шел и смотрел прямо на меня с мамой, но нас не видел, как будто мы были призраками на его пути. Шел довольно быстро и уже через полминуты оказался рядом с нами. Мать перепугалась не на шутку, но страх сковал ее и не давал двинуться с места. Наконец она смогла еле слышно прошептать:

– Кто вы? Что вам надо? Это частные владения. Незнакомец остановился. Казалось, он пытался понять слова моей матери, но в ответ ничего не говорил.

– Я могу вам как-то помочь? – уже более уверенно спросила мама.

Мужчина по-прежнему молчал и смотрел на нас. Мне показалось, что он попытался что-то сказать, так как его губы приоткрылись, но не прозвучало ни слова.

– Я позову Георга (это был наш садовник), – сказала мама и направилась к задней двери дома, которая находилась прямо у нее за спиной.

Я была у нее на руках, но как только она ступила на порог дома, мы услышали слова мужчины:

– Воды. Можно мне стакан воды.

Мать обернулась и посмотрела на него. Незнакомец не сдвинулся с места и продолжал смотреть на нас. В какой-то момент мама подумала, что ей послышалось и он вовсе ничего не говорил, но мужчина повторил свою просьбу:

– Воды! Я хочу пить. Можно мне воды?

Мать замешкалась, не зная, что делать. Ее до смерти напугал этот человек, и единственным ее желанием было скорее уйти в дом и закрыть все двери на замок.

– Я принесу вам стакан воды. Только обойдите дом и подойдите к парадной двери, – сказала мама.

С этими словами она быстро зашла в дом и закрыла за собой дверь. Никто не знает, что случилось бы, если бы мать отказалась ему или повела себя по-другому. Может, ничего и не изменилось бы, а может, все пошло бы иначе, и я сейчас не находилась бы здесь и не рассказывала бы вам свою историю. Кто знает.

Опустив меня на пол, мать наказала мне сию же минуту бежать наверх, а сама направилась на кухню, одновременно зовя Георга. Дианы не было поблизости, как позже я узнала, она рисовала очередную рожицу на обоях у себя в комнате. Идти наверх мне не хотелось, поэтому я решила посмотреть, чем же закончится вся эта история с незнакомцем. Я быстро побежала в холл и спряталась за небольшой тумбой, стоявшей недалеко от входной двери. Из моего укрытия я могла видеть все, что происходило в холле, а меня заметить мог разве что господь Бог. Через несколько секунд из кухни вышли мама с Георгом. В руках она держала стакан воды. Еще я заметила, что из кармана Георга что-то выглядывало. Что-то блестящее и гладкое. Садовник подошел к двери, чтобы открыть ее, и почти сразу же отпрыгнул. За дверью стоял мужчина. Причем стоял он, наверное, в дюйме от нее. Никто из присутствовавших в холле не проронил ни слова. Незнакомец зашел без приглашения и встал в трех шагах от побледневшей мамы и остолбеневшего Георга. Спокойствие продлилось секунд десять, но, думаю, что маме и садовнику эти секунды показались часами. Внезапно из-за пазухи мужчина достал револьвер. Глаза у мамы округлились, она выронила стакан, а рука Георга метнулась к предмету, находившемуся в кармане пиджака.

– Я не хотел ничего дурного, – вымолвил мужчина. Голос его был настолько грустным и тихим, что мне стало жалко незваного гостя. В один момент он повернул голову и посмотрел в мою сторону. Не знаю почему, но я тут же приподнялась, чем выдала свое присутствие, и уже не только незнакомец, но и мама, и Георг смотрели на меня. Георг метнулся в сторону мужчины в попытке вырвать у него револьвер, но все произошло слишком быстро. Программный выстрел. На мое лицо брызнула теплая кровь. Я зажмурилась и услышала, как на пол рухнуло чье-то тело. Когда я открыла глаза, то увидела, что незнакомец лежит на полу, вся его голова

в крови, впрочем, как и весь наш холл, мое лицо и платье. Мать закричала и побежала ко мне. Схватив меня, она тут же бросилась наверх, но оттуда по лестнице уже спускалась Диана. Увидев распростертное на полу тело, сестра завизжала, мать от неожиданности ослабила хватку, и я выскоцила из ее рук. Не знаю, что руководило мной в тот момент, но я ринулась к телу мужчины, опустилась на колени и, не обращая внимания на кровь, попыталась развернуть его голову, чтобы увидеть глаза. Мне почему-то казалось, что в них должна была оставаться жизнь, но тут меня подхватил Георг и потащил в ванную комнату. За все это время я не издала ни звука, в отличие от моей сестры, громко плакавшей, даже когда мать отвела ее в свою комнату, где просидела с ней около часа.

В ванной комнате Георг передал меня Жанне, начавшей тут же умывать меня, а сам сразу же отправился в полицию. Полицейские приехали примерно через два-три часа. Они забрали труп, опросили маму и Георга. Один из них остался в доме дожидаться прихода отца. Когда вернулся отец с моими братьями, то между полицейским и родителями состоялся разговор. Оказалось, что мужчину звали Робертом. Жил он в соседнем городке. Неделю назад он вернулся домой из паба выпивши, зарезал свою жену и дочку, которой, как и мне, было четыре года. До того момента как он появился у нас в саду, его никто не видел. Что заставило его совершить преступление, не знал никто. Сейчас мне кажется, что даже сам Роберт не знал, что на него нашло. Но я думаю, перед тем как пустить себе пулю в висок, он уже понимал все, что сделал, и даже раскаивался в этом. Иначе как объяснить, что перед смертью он с такой тоской посмотрел на меня? Я не уверена, хотя могу догадываться, что в той маленькой девочке, то есть во мне, он увидел свою дочку.

Чего я не могу объяснить, так это то, зачем мне понадобилось смотреть в его глаза. Было ли это детским любопытством или же проявлением страха перед смертью? Я не знаю, как не знаю и того, что бы я увидела, если бы Георг не помешал мне повернуть голову мужчины. Во всяком случае после того дня я стала другой: забросила свои куклы, перестала хныкать и капризничать и чаще проводила время одна, не играя с сестрой и братьями. И в лес я никогда не ходила в одиночку, только с отцом. Обычно я наслаждалась свежим воздухом, прогуливаясь вдоль него, или же шла в долину, за которой начиналась река.

* * *

Шли годы, я росла. Сменилось несколько домашних учителей, которых я терпеть не могла или же в лучшем случае относилась к ним безразлично. Отдавать меня в школу не хотела мать, так как считала, что там ничего, кроме грубости, я не увижу. Время тянулось однообразно, – днем мы с сестрой учились, а вечером делали уроки или занимались чем-то своим. Братья мои уже давно уехали в колледж и приезжали к нам только на каникулы. Артур – старший брат – изучал военное дело, а Марк – младший – медицину. Моя жизнь была очень размеренной, мне иногда становилось до того противно, что хотелось сбежать куда-нибудь подальше от этой рутины. И однажды мне выпал такой случай.

Мне тогда только исполнилось семнадцать. Я оставалась все такой же неразговорчивой и дикой. Однажды я отправилась на прогулку и не заметила, как отошла довольно далеко от дома. Услышав приближающийся сзади топот копыт, я остановилась и обернулась. Ко мне подъехал мужчина, довольно крупный, с темными волосами и темно-рыжей бородкой. Он остановил лошадь, слез с нее, улыбнулся и поздоровался:

– Здравствуйте, прекрасная незнакомка!

Комplимент был мне очень приятен, так как в то время я не считала себя красивой или даже симпатичной. Лесть незнакомца размягчила мое недоверчивое сердце, и я с улыбкой ответила:

– Добрый день!

— Позвольте узнать, что делает здесь, на этой дороге, такая молодая и красивая девушка одна? — спросил мужчина.

— Я живу недалеко и вышла погулять, — простодушно ответила я. Хотя внутри уже начала терзаться сомнениями, — ни один приличный человек не начал бы разговор с юной девушкой, не представившись.

Видимо, я чем-то выдала свою нервозность, потому что мужчина тут же назвал свое имя:

— Меня зовут сэр Джером де Корн-Релкин! Но для вас, юная мисс, я могу быть просто Джерри.

— Какое странное у вас имя, — удивилась я.

— Нет ничего более странного, чем сама жизнь! Позвольте прогуляться вместе с вами?

Я согласилась. Мужчина ловко соскочил с лошади, и мы медленно пошли по дороге, продолжая беседовать. Джером (я отказалась называть его Джерри) расспрашивал меня о моем доме, семье, жизни. Я старалась отвечать довольно пространно, однако его наводящие вопросы помогли ему разузнать обо мне практически все. Про себя он почти ничего толком не сказал, все больше шутил и развлекал меня забавными историями. Но я узнала, что Джером являлся одним из организаторов цирковых представлений, проходивших в городе. Он нанимал цирковых артистов и заведовал продажей билетов. Представления устраивались почти каждый вечер под открытым небом на окраине города.

— Приходите на наше выступление, я познакомлю вас с артистами, — предложил Джером.

Я замялась. С одной стороны, мне очень хотелось сходить туда. Ведь я ни разу не была в цирке, и мне действительно было любопытно. С другой стороны, я, воспитанный домашний ребенок, немного боялась всего непривычного и нового. Единственным решением этой дилеммы казалось рассказать обо всем родителям и пойти на представление вместе с ними. Но я прекрасно понимала, что мне откажут, сославшись на то, что я слишком молода для таких вещей и к тому же не следовало приличной девушке ходить в подобные места. Я была в этом настолько уверена, что сильно расстроилась. Это сразу же заметил Джером.

— Почему вы так загрустили?

— На самом деле я бы очень хотела пойти, но не думаю, что эту идею одобрят мои родители.

— Так приходите вместе с родителями.

— Мне кажется, они не захотят пойти.

— А кто ваш отец? Чем он занимается? — спросил Джером.

— Он довольно известный архитектор, но за год до моего рождения семья переехала сюда, и отец больше ничем не занимается. Ходит на охоту и рыбалку и иногда ездит в город. В столице бывает крайне редко и недолго.

— Ну, и почему вы решили, что он откажет вам в посещении цирка?

— Не знаю, мне так кажется, — ответила я.

— А я считаю, что если вы хорошенъко попросите своего старика, то сможете прийти. Вот только не говорите, что беседовали со мной. Думаю, что вашему отцу не понравится, что его милая дочь разговаривает на лесной дороге с незнакомцем.

— Я и не думала ему ничего такого рассказывать, — простодушно ответила я.

— Тем лучше. Просто попроситесь в ближайшее время поехать с ним в город, а когда увидите афиши нашего цирка, то скажите, что очень хотите пойти, — усмехнувшись, предложил Джером.

— Да, наверное, я так и сделаю, — задумчиво ответила я.

— Ну, что ж, в таком случае я жду вас в цирке! Только поторопите отца, через две недели меня здесь не будет, впрочем, как и всего цирка.

Это фраза меня очень расстроила, и для себя я уже точно решила, что сделаю все возможное, чтобы сходить на представление.

- Я приложу все усилия, чтобы прийти.
- В таком случае – до скорого! – сказал Джером и с легкостью, неожиданной для его фигуры, запрыгнул на лошадь.
- Адье, юная мисс!
- Всего наилучшего вам!

Джером уехал, оставив после себя только пыль из-под копыт лошади, а я развернулась и медленно побрела к дому, думая, под каким предлогом поехать в город.

* * *

Домой вернулась совершенно опустошенной. Я перебрала в голове все возможные варианты, и ни один из них не показался мне хоть чуточку стоящим. За ужином мама не раз спрашивала, что со мной и почему я такая грустная. Я только пожимала плечами и в итоге рано пошла спать. Выспаться мне так и не удалось, – всталась с синяками под глазами и опухшим лицом. Видя мое состояние, мама забеспокоилась еще больше. И тут я поняла: моя апатия и есть причина того, чтобы съездить в город. Весь следующий день я просидела в кресле в гостиной, то смотря в окно, то читая книгу. Вечером подошла к маме и сказала, что хотела бы поговорить с ней. Мы отправились ко мне в комнату и присели на кровать.

- Что-то случилось, доченька?
- Я не знаю, как тебе сказать об этом, мама... – начала я издалека.
- Ты смело можешь мне рассказать обо всем, – сказала мама. Судя по выражению ее лица, она была обеспокоена не на шутку.

– Понимаешь, в последнее время я не могу найти себе места, стала плохо спать, и голова начала сильно болеть. Думаю, что мне надо показаться доктору Айзеку.

Я заметила, что мама переживае т, поэтому меня не удивил ее скорый ответ.

– Завтра мы поедем к нему, не волнуйся, – ответила мама, – я пойду, поговорю с отцом. С этими словами она вышла из комнаты, а я со счастливой улыбкой легла на кровать.

Как мама и обещала, с утра мы – я, мама, папа и Диана – отправились в город. Я с мамой должна была пойти к Айзеку, а отец с Дианой пройтись по магазинам. Диане тогда только исполнилось двадцать три года, и родители понимали, что ей пора выходить замуж. Но там, где мы жили, не было подходящих кандидатов. Сама Диана, по-моему, не очень-то переживала из-за этого или же держала свои чувства при себе, а вот родители с каждым годом нервничали все больше. Я даже как-то слышала их разговор о том, что неплохо бы отправить Диану в столицу к одной нашей родственнице, там ей было бы легче найти себе пару. Лично я думаю, что Диана скорее бы согласилась остаться в нашей глупши. Ведь тут у нее имелся тайный поклонник, с которым она виделась довольно часто. Им оказался сын садовника – красивый, высокий молодой человек, не обремененный высоким интеллектом и знатным родом. Про их отношения не знал никто. Я и сама узнала об их романе совершенно случайно. Когда прогуливалась вдоль реки, увидела обнявшихся Диану и этого парня, сидевших на берегу. Диана не заметила меня, да и я не стала ее потом расспрашивать и тем более выдавать родителям.

Приехав в город, мы с мамой отправились к доктору. Его небольшой, но добротный дом находился на главной улице. Дверь нам открыла служанка и пропустила внутрь, сказав, что доктор сейчас занят. Мы прошли в богато обставленную гостиную и расположились на диване. Вскоре дверь приемной открылась, и оттуда вышли доктор и его пациент. Айзек улыбнулся нам и поспешил поздороваться с моей мамой:

- Как поживаете, голубушка? Надеюсь, у вас ничего серьезного?
- Нет, нет, со мной все в порядке. А вот моя дочь, кажется, приболела.

Доктор перевел взгляд на меня. Не думаю, что в тот день я выглядела очень плохо, поэтому лицо Айзека выразило некоторое удивление. Сзади доктора раздалось мягкое покашливание.

– Ох, простите, мистер Шелдон, я забыл вас представить. Это миссис Эллингтон и ее дочь.

– Очень приятно, – сказал мужчина и галантно поцеловал руку мамы, – меня зовут Энтони Шелдон.

Мама внимательно посмотрела на мужчину, – высокий, статный, с темными волосами, на вид ему было лет тридцать пять. Одет очень дорого и по моде.

– Рада знакомству, но позвольте, я никогда раньше о вас не слышала. Вы, наверное, не местный, – сказала она.

Мужчина ухмыльнулся и ответил:

– Вы правы, я не местный. Здесь у меня дела, весьма важные.

– Но какие могут быть дела в нашем маленьком городке? – не унималась мама.

– А вы весьма любопытны, миссис Эллингтон, – сказал мужчина. – Но я все-таки отвечу – у меня здесь труппа артистов. Они дают представления по всей округе.

В душе у меня екнуло – я поняла, что передо мной коллега Джерома.

– О, как интересно, а что за представления? – спросила мама.

– Цирк! Дорогая, неужели вы не знали, что в городе цирк? – вклинился в разговор доктор Айзек.

– Нет, не знала. Я не интересуюсь такими вещами. Увы, к цирку наша семья не питает какого-либо интереса, – сказала мама.

Мне, конечно, стало грустно после ее слов, ведь это означало, что мои шансы попасть на представление уменьшились. Вся надежда была на мистера Шелдона. Вдруг он настойчиво пригласит нас? Но он даже не взглянул на меня. Собственно говоря, он вообще ни разу не посмотрел на меня за время его разговора с матерью.

– Ну что ж, дело ваше, – ответил Энтони Шелдон, – а мне пора уходить. Доктор, спасибо за рецепт!

Я безумно расстроилась из-за этого разговора, – стало понятно, что никакого цирка не предвидится, и вся комедия с моей болезнью была разыграна зря.

Энтони Шелдон попрощался с доктором, отвесил поклон моей матери, наконец-таки скользнул глазами по мне, улыбнулся и ушел.

Что было потом, я не очень помню, так как мою голову переполняли грустные мысли о неудавшемся походе в цирк. Вроде бы Айзек спрашивал меня о здоровье, я что-то отвечала, но в итоге доктор отвел в сторону мою мать, и они беседовали о чем-то минут десять. О чем, мне было безразлично.

После доктора, который, к слову, не выписал мне ни одного рецепта, мы с мамой, хранившей молчание о состоявшемся разговоре с Айзеком, направились к галантерейной лавке, где должны были встретиться с отцом и Дианой.

Я издалека заметила, что они уже ждут нас, причем, Диана выглядела очень радостной и с улыбкой о чем-то болтала с отцом.

– Ну, что сказал доктор? – спросил меня пapa.

– Сказал, что ничего серьезного, – ответила за меня мама.

– Ну и хорошо! Я думаю, что все дело в том, что девочки совсем не развлекаются, как положено молодым. Они никуда не ходят и только сидят дома. Надо бы им развеяться, – сказал отец.

– Что ты хочешь этим сказать? – поинтересовалась мама.

— Пока мы вас ждали, обошли почти весь город и везде видели расклешенные афиши цирка. Оказывается, к нам в город приехал цирк: здесь будут и клоуны, и дрессированные животные, и акробаты, и фокусники. Я думаю, что нам стоит сходить.

— Я категорически не согласна, — резко ответила мама, — ты ведь знаешь мое отношение к цирку. Зачем нашим девочкам ходить туда? Если им надо развлечься, лучше я отвезу их в столицу.

— Ну, дорогая, что было, то прошло. Ты должна забыть все плохое, что связано у тебя с циркачами, — настаивал отец.

Я крайне обрадовалась тому, что отец поднял эту тему. Несмотря на упрямство матери, я была почти уверена, что мы все же пойдем на цирковое представление, так как отец всегда выигрывал в подобных спорах. В то время мне даже в голову не пришло спросить: а почему, собственно, мать так ненавидела цирк?

Я отошла в сторону и принялась разглядывать галантерейную лавку и товары, выставленные на витрине. Мне не хотелось слушать разговор родителей, тем более я не могла принять участия в нем и высказать свое мнение. Вскоре мы отправились домой. Спор родителей продолжался и во время нашего возвращения. Мы с Дианой порядком устали слушать препирательства матери и недоумевали, почему она испытывает такую неприязнь к бродячим артистам, ведь раньше она никогда не говорила, что не выносит цирка.

Разговор о цирке продолжился и за ужином:

— Ты что, забыл, чем закончилось то злосчастное цирковое представление? — почти кричала мама.

— Нет, я помню. Но не жить же все время прошлым! И не держать же наших девочек из-за этого взаперти! — ответил отец.

Перепалка в таком духе длилась весь вечер, но перед сном отец зашел в нашу библиотеку, где я сидела с Дианой, и сообщил, что послезавтра мы отправляемся в цирк. Я так обрадовалась этому сообщению, что не спала всю ночь, а весь следующий день то и дело смотрела на часы, — мне хотелось, чтобы время пошло быстрее. Этот поход должен стать ярким, цветным пятном в моей скучной, серой жизни.

Наконец наступил день, когда мы должны были пойти на представление. Я стала собираться уже с самого утра, тщательно осмотрев свой гардероб, пришла к выводу, что надеть мне, собственно, нечего. Все платья были скорее домашними. Тем не менее я остановила свой выбор на блекло-розовом платье, единственным украшением которого являлся воротник, отороченный кружевом. Оно было простенькое, но цвет шел к моим черным длинным волосам. Когда я спустилась в своем наряде вниз, мать окинула меня холодным взглядом и сказала, чтобы я накинула ее шаль. Диана выглядела куда более респектабельно — у нее уже были красивые платья, которые она, к сожалению, редко носила. В тот вечер она выбрала темно-синее с черной вышивкой. Не скрою своей зависти — выглядела она в нем просто красавицей. По сравнению с ней я казалась нескладным подростком.

Мы сели в экипаж и всей семьей отправились в город. Осень только начиналась, но воздух уже был прохладным, да и листья начали желтеть.

На улицах города царило оживление. Люди всегда казались мне интереснее всего: лица такие разные, такие не похожие друг на друга. Кто-то шел, улыбаясь, кто-то — нахмурившись, кто-то просто смотрел себе под ноги. Я ехала и думала, что у каждого прохожего своя история, своя жизнь, полная счастливых и трагичных моментов. За окном каждого дома происходят события, о которых не знает никто, кроме его обитателей. Все это для меня тогда было такой загадкой — жизнь, люди, их взаимоотношения… А сама я только смотрела на все, не участвуя в жизни, а ведь мне так хотелось почувствовать и увидеть хоть маленькую частичку того, что чувствовали и видели эти люди.

Мы подъехали к окраине города, я уже могла видеть купола шатров, огни, горящие повсюду, и толпу народа. Если честно, я думала, что предстоящее представление будет чем-то вроде спектакля – об этом я так много читала в романах. Здесь же все больше походило на ярмарку. Мы с Дианой вышли из экипажа и хотели сразу же направиться к шатрам, как вдруг отец подхватил меня под локоть:

– Девочки, не отходите от нас ни на шаг, я вас прошу, – сказал он спокойным голосом, но лицо его выдавало волнение.

Делать было нечего, я встала рядом с отцом, а Диана – рядом с матерью. И таким образом, вчетвером, мы двинулись вперед.

Сложно словами описать мой восторг от того, что я увидела: здесь были и акробаты, стоявшие на руках и голове, и дрессированные обезьянки, так и норовившие сорвать сережки и цепочку с Дианы, была и бородатая женщина-карлица, поразившая мое воображение. Мы все шли, и шли, и возле каждой палатки видели что-то новое, что-то совсем неожиданное. Папа купил нам сладостей, и, пробираясь сквозь толпу, мы уплетали помадки и конфеты. В центре площадки перед нами открылась арена, освещенная по кругу факелами. В центре арены стоял Джером, весело болтавший с публикой. Мне тоже захотелось поговорить с ним, но я знала, что сделать это в присутствии родителей будет нелегко. Вдруг на арену вышел темнокожий человек, с длинными выующимися волосами, низкий и довольно плотный, он поднял вверх нечто, напоминавшее большое медное блюдо, и ударил по нему железной палицей. Раздался звук, от которого толпа замолчала, и все перевели взгляды на него. Человек удалился так же незаметно, как и пришел, и Джером громко заговорил:

– Дамы и господа! Мы рады вас приветствовать на нашем представлении бродячих артистов! Не взыщите, если что-то пришлось вам не по вкусу! Мы стараемся, как можем, чтобы доставить вам удовольствие!

Наша семья начала прятываться ближе к арене – с того места, где мы стояли, почти невозможно было что-либо разглядеть. Оказавшись в первом ряду, я увидела, что волосы Джерома покрывала золотая пыль, на нем были брюки ярко-зеленого цвета, расшитые золотой нитью, и фиолетовый жакет. Все это смотрелось настолько нелепо и в тоже время так торжественно, что я засмеялась. Мама недовольно посмотрела на меня. Я сразу умолкла и вновь начала прислушиваться к тому, что говорил Джером.

– Я думаю, вернее, я надеюсь, что все вы, собравшиеся здесь, уже успели посмеяться над шутками верзилы Джо, – тут Джером помахал рукой огромному рыжеволосому клоуну, стоявшему неподалеку, – успели налюбоваться бородатой красоткой Мери, а наши мартышки сумели вытащить монетки из брюк многоуважаемых джентльменов!

Некоторые мужчины в толпе сразу же начали проверять наличие бумажников в брюках и пиджаках, что не ускользнуло от Джерома и вызвало на его лице презрительную ухмылку.

– Могу поспорить, что подобные зрелища вы могли наблюдать в каждом бродячем цирке! Сейчас людей трудно удивить чем-либо, но мы все-таки попробуем. Прекрасные дамы и не менее прекрасные господа, позвольте познакомить вас с нашим уникальным номером. Такого вы не увидите нигде – ни в Париже, ни в Нью-Йорке, ни в Токио (а я бывал во всех этих городах и должен признаться, что их представления – ничто по сравнению с тем, что мы покажем вам). То, что вы сейчас увидите, есть только у нас. И все благодаря нашему многоуважаемому мистеру Энтони Шелдону, который, к сожалению, не смог прийти на сегодняшнее представление. Итак, удивительные братья Хименес продемонстрируют перед вами свои сверхспособности!

На арену вышли трое молодых мужчин, встали ровно по центру и бесстрастным взором уставились вперед. Джером тем временем продолжал:

– Секреты своего мастерства братья получили от гималайских мудрецов. Тут нет дешевых фокусов, есть только магия. Магия, которую вы, дамы и господа, не увидите больше нигде!

По толпе пронесся легкий шепот. Наверное, зрители скорее ожидали, что выйдет трехголовый человек, говорящий медведь или бог весть еще что, но никак не трех простых парней, которые даже одеты были обыденно, в отличие от Джерома и других артистов. Я услышала, как мама тихо сказала отцу: «Да ведь это же обычновенные оборванные цыгане. Что тут такого...» – хотела продолжить она, но ее прервали шумный хлопок и вспышка. Место, где только что находился Джером, оказалось пустым, лишь легкий дымок напоминал о том, что секунду назад здесь стоял человек.

Двоих цыган на арене разошлись в разные стороны, оставив третьего посередине. Признаться, все трое обладали какой-то удивительно притягательной внешностью. Они не были красавцами, но чувствовалось в них что-то такое манящее, загадочное, что я не могла отвести глаз. Особенно мне понравился самый высокий из них, стоявший теперь слева от брата, присевшего на карточки посередине арены. Вдруг сзади я услышала топот и улюлюканье, толпа повернула головы и увидела женщину, тоже, по-видимому, цыганку, одетую в яркий наряд со множеством серебристых монеток. Ее лошадь встала на дыбы. Откуда-то из-за спины достав две огромные блестящие сабли, она метнула их прямо на арену к братьям. Сабли, пролетевшие над нашими головами в считанные секунды, поразили воображение всех. Два клинка, отливавшие серебром, воткнулись в землю рядом с цыганом, находившимся в центре. Одна сабля вошла в землю по его правую руку, вторая – по левую. Резким движением он вытащил сабли и начал размахивать ими, вертеть, подбрасывать над головой. В это время его братья отошли в сторону и через несколько секунд вернулись: один – с ведерком, другой – с факелом в руках. Цыган, державший ведро, выплеснул жидкость из него на своего брата, жонглирующего саблями. Мне в нос ударил резкий запах керосина. Второй цыган, который так понравился мне, поднес факел к облитому керосином брату, – и тот вспыхнул как спичка. Толпа вскрикнула от ужаса. Перед нами стоял горящий человек, с легкостью жонглировавший саблями, не издающий при этом ни звука. Мало того, он начал двигаться, вернее, отплясывать. Легко подпрыгивал, пригибался, продолжая гореть ярким огнем. Вдруг откуда-то на сцене появился Джером с сигарой во рту:

– Я же говорил, что никто из вас не пожалеет о том, что пришел на сегодняшнее представление! – громко сказал он, причем, мне показалось, что в этот момент его глаза встретились с моими. Мой новый знакомый вытащил сигару изо рта и прикурил ее от горящего цыгана. Сделав глубокую затяжку и выпустив кольцо дыма, он ударил в ладоши. И опять раздался резкий хлопок, – теперь уже вся арена наполнилась дымом, который развеялся через несколько секунд, но Джерома на манеже уже не оказалось. В центре как ни в чем не бывало стояли три брата, все так же бесстрастно смотревшие на нас.

Я была поражена!

Цыган, находившийся справа, вышел вперед к нам. Сел на землю, скрестив ноги, и закрыл глаза. Братья стояли за его спиной и спокойно смотрели на толпу. Вдруг сидевший на земле начал медленно подниматься вверх. Я услышала, как толпа оживленно загудела и заохала. Поднявшись примерно на три фута над землей, циркач открыл глаза и улыбнулся. Два его брата с саблями в руках, которыми недавно жонглировал один из них, подошли к нему и начали водить саблями внизу, доказывая публике, что нет никаких креплений или подпорок. Зависший в воздухе цыган улыбался все шире и вдруг громко с небольшим акцентом произнес:

– Пусть несколько человек подойдут и своими глазами убедятся, что это не фокус.

От толпы зрителей отделилось трое мужчин. Они подошли к цыганам и начали рассматривать взлетевшего воздух фокусника, трогать его. С растерянными лицами «проверяющие» отошли в сторону.

Вдруг из толпы вырвался маленький ребенок. Мальчишке было лет шесть, и он с интересом и восторгом наблюдал за происходящим на сцене. За ним на арену выскочила раскрасневшаяся мать, попытавшаяся забрать сорванца, но самый высокий из братьев не дал

ей этого сделать: он с легкостью подхватил ребенка и сказал, в отличие от своего брата, без акцента:

– Мадам, позвольте, я одолжу вашего малыша. Мы посадим его на колени к Гордию.

Женщина ничего не ответила. Хлопая ресницами, она удивленно смотрела на цыгана, который, не дождавшись ответа, потащил ребенка к своему парившему в воздухе брату. Мальчишка был не против – он смеялся. И повеселел еще больше, когда его посадили на руки к Гордию – цыгану, умеющему летать. Толпа зааплодировала. Малыша бережно вернули матери, которая тут же дала ему подзатыльник, а Гордий плавно опустился на землю, вновь закрыл глаза, а через несколько секунд уже легко встал.

Я тогда не видела ничего: ни развеселившуюся толпу, ни удивленных лиц своих родителей, ни Диану, которая все это время что-то говорила мне на ухо. Я смотрела только на этих цыган и гадала, как же они это делают. Вдруг я почувствовала, как отец тянет меня назад, я удивилась, но, обернувшись, увидела, что все зрители расступаются, освобождая узкий проход для Джерома, который торжественно двигался, держа в руках большой чемодан. Проходя мимо меня, он подмигнул, или мне это тогда только показалось.

Выйдя на арену, Джером отдал чемодан цыганам и удалился. Самый высокий из них отошел в сторону, а два его брата открыли чемодан, в котором оказалось огромное количество ножей. Я думала, что при метании ножей используется также и толстая доска, спиной к которой становится человек, в которого будут их метать. Тут же никакой доски не оказалось, и ножи должны были полететь в толпу. Братья выхватили по два кинжала и одновременно запустили ими в высокого цыгана. Люди, стоявшие сзади него, в панике закричали и пригнулись, но ножи не успели долететь до них. Цыган с легкостью поймал лезвия руками. Причем никакой крови я не увидела. Он начал плавно двигаться по кругу арены, а его партнеры продолжали метать в него ножи. Ужас и страх от того, что следующий нож может полететь в их сторону, ощутили все зрители, но все до одного лезвия были перехвачены ловкими и грациозными руками цыгана. Страшный круг по арене почти что завершился, вся сцена утопала в воткнутых ножах, так как, поймав, цыган тут же втыкал их в землю.

Оставались последние два ножа в руках у Гордия, которые он не замедлил метнуть в своего брата. Высокий цыган сумел схватить только один нож, тогда как второй, к моему ужасу, вошел по рукоятку ему в горло. Темная густая кровь быстро полилась по его шее, потом по груди. Он покачнулся, но не упал. Все это произошло за несколько секунд, и толпа, увидев случившееся, взревела, кто-то закричал, кому-то стало плохо, и он поспешил удалиться, некоторые женщины попадали в обморок, а несколько мужчин выбежали на арену, видимо, желая помочь цыгану. К их удивлению, братья раненного артиста не подпустили их.

– Все хорошо, нам не нужна помощь, – громко сказал Гордий.

Кто-то из толпы выкрикнул: «Да он же умирает!» – Но Гордий молча поднял руку, пытаясь заставить замолчать говорившего.

Все мы уставились на высокую фигуру цыгана, который продолжал стоять на ногах, орошая землю кровью. Он медленно начал поднимать руки к горлу и, дотянувшись до рукоятки ножа, вытащил клинок.

Насколько я могла заметить, многие в толпе попросту закрыли глаза, отказываясь смотреть на все это, кто-то поспешил увести детей подальше от арены, но большинство стояли, молча смотря на цыгана. Лица людей были белыми как снег, а в глазах застыл ужас. Думаю, что и я выглядела также.

Вытащив нож, цыган руками зажал горло и зажмурился. Я видела, как сквозь пальцы просачивалась кровь, и поражалась, почему никто не окажет ему помощь. Почему его братья так безучастно смотрят на происходящее и не подпускают никого к нему? Вдруг цыган рухнул на колени.

По толпе пробежал глухой вздох: «Оooo...» Но тут я начала замечать, что кровь все меньше и меньше струится по рукам цыгана. Артист открыл глаза и убрал руки от шеи. О былом несчастье напоминали только окровавленная одежда и его руки. Он быстро и ловко поднялся на ноги и улыбнулся зрителям.

Вначале никто не мог ничего понять. Все просто смотрели на живого и невредимого цыгана и не могли поверить своим глазам. Вдруг откуда-то сзади раздались аплодисменты и возгласы «Браво!». Вскоре уже вся толпа аплодировала и улыбалась. Я аплодировала со всеми и не сводила глаз со «своего» цыгана.

Откуда-то слева раздались топот копыт и нежное позывкание монеток. Все повернули головы и увидели уже знакомую всем цыганку верхом на белой лошади, однако теперь сзади нее сидел Джером. Он легко спрыгнул с лошади, а девушка ускакала прочь. Сам же Джером двинулся к арене, и люди, как и в прошлый раз, расступались перед ним, освобождая дорогу. Оказавшись на средине сцены, он улыбнулся все еще стоявшим там трем братьям и произнес:

– Итак, поаплодируем еще раз непревзойденному мастерству братьев Хименес!

Все начали хлопать громче прежнего, а братья – кланяться, после чего Джером сделал им знак, и они, подобрав все оставшиеся ножи и уложив их в чемодан, подошли к правому краю арены.

– Господа, пропустите артистов. Они устали после выступления. Им нужно отдохнуть, – сказал Джером.

Люди расступились перед цыганами. Одни смотрели на них с изумлением, другие – с восхищением, а кто-то – и со страхом.

– Итак, дамы и господа, вы увидели многое! – продолжил Джером. – К сожалению, сегодня наши братья Хименес закончили выступление, но если вы захотите увидеть их снова и посмотреть, на что они еще способны, то приходите к нам завтра. Хочу напомнить, что наш цирк пребудет в вашем городе только десять дней, поэтому поспешите! Мы вас ждем вновь! Я не прощаюсь с вами! Палатки с фокусниками, клоунами и животными будут открыты еще несколько часов. Наслаждайтесь! – После этих слов Джером хлопнул в ладоши, откуда-то появилась густая белая дымка, а когда она рассеялась, я увидела, что мужчина исчез.

– Пойдемте. Уже довольно поздно, нужно ехать домой, – сказал отец, и мы потихоньку направились к выходу из этого красочного палаточного городка. Мне не хотелось уходить, но я не могла ничего поделать. Когда мы уже подошли к выходу, я, случайно повернув голову, увидела, как из-за одной палатки выглядывал Джером. Я улыбнулась ему, на что он расплылся в еще более широкой улыбке и поманил меня к себе, прижав палец к губам. Я оказалась в затруднительном положении. Мне, конечно же, хотелось подойти к нему, но что придумать, чтобы родители не пошли за мной? В голове промелькнули разные мысли, но я зацепилась за самую, на мой взгляд, правдоподобную. Когда моя мать, уже села в экипаж, а Диана залезала в него, я быстро выпалила:

– Кажется, я потеряла сережку, пойду поищу ее. Я догадываюсь, где она может быть.

Не дождавшись разрешения, я развернулась и побежала по направлению к сцене, но, скрывшись от глаз родителей, резко свернула в сторону палатки, где меня ждал Джером. Сережка была у меня в руке, – я незаметно сняла ее, когда отец помогал матери забраться в экипаж. Я предполагала, что отец сейчас же кинется искать меня и я получу хорошую взбучку. Но и на этот случай у меня было оправдание: увиденное представление повергло меня в шок и я не совсем осознавала, что делаю.

Быстрым шагом я подбежала к улыбающемуся Джерому. Видя, что я запыхалась, он сразу же извинился:

– Простите, прекрасная фея, я не думал, что для того чтобы поговорить со мной, вам придется сбежать от стражи. Если бы я знал это, то сам бы подошел к вам.

– Все в порядке, не беспокойтесь, – ответила я.

– Как вам представление?

– О! Мне очень понравилось! Я никогда такого не видела. Я так рада, что пришла, – сказала я.

– Я верил, что вы придетে, несмотря на то, что вначале говорили мне о возможных сложностях, связанных с этим.

– Было довольно трудно уговорить родителей прийти сюда.

– Но вы справились, красавица. Я все загорелась от его слов.

– Позвольте задать вам деликатный вопрос, времени у нас мало, поскольку я думаю, что вас скоро начнут искать, – начал Джером.

– Да, конечно, спрашивайте, – ответила я.

– Я наблюдал за вами во время представления. Вы так смотрели на нашего Алессандро! Вам он понравился? Самый высокий из братьев Хименес?

Мои щеки, наверное, окончательно выдали меня, я опустила ресницы и промямлила что-то вроде:

– Я была поражена его выступлением…

– Должен сказать, что и вы понравились Алессандро. Он очень хотел бы с вами познакомиться, но он также понимает, что это сложно осуществить из-за вашей семьи.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Джером не дал мне возможности продолжить:

– Завтра в одиннадцать утра он будет ждать вас в том же месте, где мы с вами впервые встретились. Если не хотите, можете не приходить. Дело ваше. Он не обидится и все поймет. А сейчас бегите назад к родителям, – после этих слов Джером быстро развернулся и подтолкнул вперед.

Когда до меня дошел смысл сказанного, я повернулась, чтобы что-то спросить, но Джерома уже не было. Впереди я увидела отца и медленно направилась к нему, все еще не осознавая того, что сказал мне Джером, и даже не думая о том, что мне сейчас достанется от родителей.

Глава 2

Я смутно помню, как отец начал бранить меня, как я показала ему сережку, которую недавно крепко сжимала в кулаке. Помню, что мать тоже принялась ругать меня, еще сильнее, но через какое-то время успокоилась, списав мое поведение на дурное влияние цирка. Когда мы приехали домой, я, как в трансе, поднялась к себе в комнату и рухнула на кровать, даже не сняв верхней одежды.

«Боже мой! Я понравилась ему! Как это здорово – знать, что ты кому-то нравишься. И он будет ждать меня. Я должна прийти! Хоть мне и будет немного неловко и страшно, но я приду. Обязательно приду», – примерно с такими мыслями я пролежала всю ночь, не сомкнув глаз. До этого на меня никто из молодых людей не обращал внимания, и мне так льстило, что такой красавец выделил меня из огромной толпы. Поначалу это показалось странным, так как я не заметила, чтобы за все представление он хотя бы раз взглянул на меня.

Однако я отмела эти мысли и продолжала тихо радоваться в предвкушении свидания. За утро я, наверное, раз сто подходила к зеркалу, чтобы пригладить волосы или расправить складки на платье. После завтрака, сказав родителям, что хочу прогуляться, я как ни в чем не бывало выпорхнула из-за стола. Когда я выходила из дома, часы показывали без десяти минут одиннадцать, и, конечно же, я боялась опоздать. Выйдя на дорогу, по обеим сторонам которой росли высокие деревья, скрывавшие меня от любопытного взора домочадцев, я пустилась бегом. В назначеннем месте я в растерянности огляделась, и мое сердце болезненно сжалось. «Он не пришел», – решила я, увидев, что цыгана нигде нет. Но, пройдя немного вперед, я заметила, что за деревьями, на поляне, пасется черная лошадь. Спустившись на поляну, я уви-дела и самого цыгана, сидевшего на траве и смотревшего куда-то вдаль. Ветка под моей ногой хрустнула, и он обернулся. Мне показалось, что передо мной ангел, таким красивым и совер-шенным он был. Цыган внимательно посмотрел на меня, окинув взглядом с ног до головы, и только потом улыбнулся:

- Я ждал тебя, девушка.
- Простите, что опоздала, – сказала я.
- Как тебя зовут?

Меня удивил его вопрос. Я думала: раз нравлюсь ему, то он должен был узнать все обо мне у Джерома. Тем не менее я представилась. Он тоже, хотя и до этого я знала его имя.

- Тебе понравилось вчерашнее представление? – спросил цыган.
 - Да. Особенно ваш номер. Он меня поразил. Как вы это делаете? – спросила я.
- Аlessandro усмехнулся и ответил:
- Это магия. Я не могу раскрыть тебе ее секретов.
 - Жаль, – только и смогла сказать я.

Я представляла себе наше свидание совсем по-другому. Думала, что он, как в любовных романах, упадет на колени, начнет целовать мне руки и клясться в любви, но все мои фантазии были разбиты. Я стояла на поляне, ярко освещенной солнцем, и не знала, о чем с ним говорить, а его это, казалось, совсем не беспокоило.

- У вас красивая лошадь, – сказала я, чтобы нарушить затянувшуюся паузу.
- Тебе нравится?
- Да, она такая большая и кажется очень сильной.
- Хочешь покататься? – спросил Alessandro.

Я не знала, что ответить. Не могу сказать, что я действительно хотела покататься на лошади, но и отказать ему я не могла.

– Мои родители не одобрили бы, если бы узнали, что я каталась на вашей лошади, – ответила я.

— А твои родители одобряют то, что ты сбежала из дома, чтобы встретиться со мной? — спросил цыган, глядя на меня и проникая своими черными глазами в самую душу.

Я покраснела и не знала, что ответить. Я никак не думала, что он может сказать мне такое. Моим первым желанием было развернуться и уйти, но тут Александру подошел ко мне.

— Или ты боишься? Да, наверное, ты просто боишься, и я ошибся в тебе, раз ты сейчас прячешь от меня свои глаза, — сказал он.

Меня задели его слова. Не о страхе, а о том, что он ошибся во мне. Я смело подняла голову и в упор посмотрела на него.

— Ты ошибаешься, Александр, я не боюсь, — бойко сказала я.

Александру засмеялся. Его смех уколол меня еще больше, но я молча стерпела это. Похоже, свидание, которое в моих мечтах должно было пройти мило и романтично, превратилось в кошмар.

— Тогда пойдем, — и он протянул мне руку.

Я не долго раздумывала, и уже через несколько секунд Александр, крепко держа мою руку в своей, темной и загорелой, вел меня к лошади. Не спрашивая разрешения, он легко поднял меня и усадил на спину животного. Меня удивило, что на ней не было седла, и мне показалось, что я сейчас просто-напросто съеду вниз, так как платье начало скользить по гладкой шкуре животного. Но цыган не дал мне упасть. Он легко запрыгнул на лошадь впереди меня и, нащупав сзади мои руки, положил их на свою талию.

— Держись крепче, малышка, — сказал он и тут же легонько хлопнул лошадь по шее, от чего та быстро побежала по поляне.

Мне становилось все страшнее, так как лошадь все набирала и набирала скорость. А Александр просто сидел и держал ее за поводья, не отдавая никаких команд. Я вцепилась в цыгана мертвой хваткой.

Скакали мы по направлению к реке, и, как только я увидела впереди голубизну воды и услышала приятное журчание, лошадь замедлила ход. Я сидела, обняв Александра, и наслаждалась красивым прибрежным видом. Я так любила все это. Природа окружала меня с детства, была частью меня. Я не могла представить себя вне этой земли, вне этого леса, вдалеке от этой чистой и быстрой реки. Я перевела взгляд на Александра. Я не видела полностью его лица, но, когда он смотрел по сторонам, я могла различить его профиль. Красивый прямой нос, губы приятной формы, темные брови и черные как ночь глаза, обрамленные длинными ресницами, — он действительно был похож на принца из сказки «Тысяча и одна ночь». Его темная кожа казалась такой непривычной для меня, что я захотела прикоснуться к его щеке, чтобы почувствовать ее.

Мы ехали молча, но в этом молчании было что-то необычное. Я решила разговорить Александра, снять напряжение:

— Я хотела узнать, давно ты в цирке?

— Да, много лет.

— А чем ты занимался до того?

— Много чем. Всего и не перечислишь.

— А это правда, что ты научился своему мастерству у гималайских мудрецов?

Александру улыбнулся и ответил:

— Ну, я жил в Гималаях и общался с мудрецами.

Такой и была наша беседа. Я пыталась узнать об Александре как можно больше, а он пытался уйти от ответа или отвечал очень пространно. Все же мне удалось узнать, что родом мой новый знакомый из Италии, а когда ему было около четырнадцати, он подался в бродячие артисты. Колесил по разным странам с разными труппами. До тех пор, пока лет пять назад не попал в цирк Энтони Шелдона, где и решил задержаться.

— Я видела этого Шелдона. Он показался мне довольно странным, — сказала я.

— Да, он странный. И он не любит, когда кто-то перечит ему или играет не по его правилам.

— Что ты имеешь в виду? — удивилась я.

— Да много чего, — ответил он.

Мы подъехали к месту, где река сужалась, и Алессандро предложил перепрыгнуть ее в этом месте. Я запротестовала, сказав, что это слишком большое расстояние для лошади.

— Дело не в лошади, а в том, кто ею управляет. И не забывай, я же волшебник, — сказал Алессандро, хитро улыбнувшись.

Он наклонился к животному и прошептал ему что-то на ухо. Лошадь, ускорив шаг, перешла на бег. Мне казалось, что мы почти летим. До реки оставалось около десяти ярдов, я зажмурилась от страха и еще крепче вцепилась в Алессандро. Копыта лошади последний раз коснулись земли, и она взмыла вверх над рекой. Время как будто остановилось. Я открыла глаза и увидела, что мы с Алессандро парим над рекой. Не было ни звуков, ни запахов, ни страха — ничего, кроме меня и Алессандро, улыбающегося и прекрасного.

Когда лошадь приземлилась на другом берегу реки, я и сама уже улыбалась во весь рот. Алессандро помог спешиться и спросил, понравилось ли мне.

— О да! Еще как! Где ты научился так управлять лошадью? Алессандро пожал плечами и коротко ответил:

— Все цыгане умеют это.

Он стоял и смотрел на меня с какой-то тоской в глазах.

— А ты хорошенъкая, — вдруг заключил он.

Я, наверное, раскраснелась. Эти слова были как бальзам на душу, я так давно их ждала.

— И ты не трусиха. Может быть, это поможет тебе, — добавил он.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла я. Алессандро ничего не ответил, только долго смотрел на меня, а потом аккуратно взял за руку и сказал:

— Давай я отвезу тебя домой. Прошло уже столько времени. О тебе, наверное, беспокоится.

— Но... — хотела возразить я, однако цыган не дал мне продолжить.

— Ты хочешь, чтобы мы увиделись еще раз? — спросил он.

— Да, — тихо ответила я.

В лице Алессандро что-то изменилось. Мне показалось, что он расстроился, и это очень меня огорчило. Я-то думала, что нравлюсь ему. В молчании мы немного погуляли вдоль реки.

— Лучше не рисковать и не вызывать подозрений. Поехали назад, — сказал Алессандро и направился к пасущейся неподалеку лошади.

Обратно ехали молча. Мы снова пересекли реку, но никакой эйфории в этот раз я не испытала. До поляны, где мы встретились, лошадь шла довольно быстро. Я сидела и думала над словами Алессандро и над выражением его лица, когда я сказала, что хочу встретиться еще раз. Но понять, чем было вызвано это выражение, так и не смогла.

Приехав на поляну, цыган спешился сам и помог мне. Его руки все еще находились на моей талии, когда он сказал мне:

— Завтра в это же время приходи сюда.

Я не верила своим ушам. В душе все пело и плясало от радости, и я не могла вымолвить ни слова.

— Так ты придешь? — уже настойчиво спросил цыган.

— Да. Да, я приду! — ответила я.

— Тогда до завтра, — сказал Алессандро, запрыгнул на лошадь и, даже не попрощавшись, поехал в сторону города.

Я вышла на дорогу и, как сомнамбула, пошла домой. Мне не верилось, что все это произошло со мной. Дома, в гостиной, я столкнулась с матерью.

— Где ты так долго была, прошло уже два часа?! — спросила она у меня.

— Гуляла, — сказала я и направилась к себе наверх, где упала на кровать и зарылась лицом в подушку. Никто не мог видеть моего счастливого лица и широкой улыбки, кроме белой льняной наволочки, надетой на набитую гусиным пером подушку.

* * *

Я пришла к Алессандру на другой день, а также на следующий, в общем, мы начали видеться каждый день. Я приходила на полянку, он сажал меня на лошадь, и мы катались по окрестностям. Я болтала с ним о чем угодно — о своей жизни, об ухажере сестры, о прочитанной книге. Хотя и казалось иногда, что Алессандро не совсем понимает, о чем я говорю, мне было безразлично. У меня не было друзей, и этот цыган, с его спокойным лицом и бесстрастным голосом, был принят мной как посланник божий. Он тоже иногда рассказывал что-то, но это случалось довольно редко. Я так ничего больше и не узнала о нем. Меня удивляло, что он старался не смотреть мне в глаза и даже не делал попыток обнять меня или поцеловать. Вначале это настораживало, но потом я перестала думать о его странностях — мне было хорошо с Алессандром, и я не чувствовала надобности в его ласках.

В очередной раз никому не сказав, куда иду, я отправилась на поляну. На освещенной сентябрьским солнцем лужайке я не сразу заметила Алессандра. Он стоял, облокотившись о толстый ствол старого дуба. Я шла к нему, улыбаясь, но его лицо выражало какой-то страх, в нем чувствовалась неуверенность. Это сразу испугало меня.

— Что-то случилось? — спросила я, даже не поздоровавшись.

— Нет, все в порядке, — как-то слишком спокойно ответил Алессандро. Я продолжила расспрашивать его:

— Ты странно выглядишь.

— В каком смысле?

— Не знаю. Ты какой-то грустный.

— Вовсе я не грустный. Хватит болтать, пойдем лучше покатаемся. Хочешь, сегодня ты поедешь на лошади одна?

— Даже не знаю, смогу ли, — засомневалась я.

— Ты сможешь, это просто. Я буду рядом, — сказал Алессандро и, взяв меня под руку, повел к лошади.

Я с испугом смотрела на огромное животное, мирно пощипывающее травку. До этого я уже каталась на лошадях одна, мне это даже нравилось, но на них всегда надевали седло, причем, дамское, на этой же лошади не было ничего, кроме уздечки. Алессандро помог мне забраться на нее. Сев, я судорожно вцепилась в гриву животного, боясь соскользнуть с его спины.

— Так дело не пойдет, — сказал цыган.

— Это еще почему?

— Потому что ты сидишь неправильно. Сядь по-мужски, как я, так ты почувствуешь лошадь и сможешь крепче держаться на ней. Спускайся, я помогу тебе заново забраться.

Я подчинилась и легко спрыгнула с лошади. До этого я никогда не ездила по-мужски, и мне стало даже интересно. С помощью Алессандра я кое-как забралась на лошадь. Сидеть было очень непривычно, но гораздо удобнее, нежели раньше, правда, моя длинная юбка задралась, оголив ноги, но меня это не заботило. Теперь я чувствовала, что уже крепче сижу, и кивнула Алессандро в знак того, что готова ехать.

Цыган что-то шепнул лошади на ухо и легонько хлопнул ее по шее. Она медленно пошла вперед. Я сидела и радовалась, мне было так хорошо и легко в тот момент, как никогда в жизни.

— Хочешь, поедешь быстрее? — спросил меня цыган.

– Да, – не задумываясь, ответила я.

Алессандро хлопнул лошадь по ляжке, и она припустила. Я чувствовала себя такой свободной, – для меня не существовало ни границ ни законов. Я была, как ветер, – быстрая и дикая. Юбка разевалась, прически растрепалась, но мне было безразлично. Я смеялась, как никогда раньше. Правда, через какое-то время мое торжество закончилось, и я поняла, что лошадь бежит чересчур быстро. Я начала тянуть ее за гриву, но ничего не менялось. Судорожно перебирая в памяти моменты, когда Алессандро останавливал это животное, я не могла вспомнить, как он это делал. Я начала кричать на лошадь, хлопать по шее, но ничего не происходило. В ужасе я обернулась назад, пытаясь увидеть Алессандро, но сзади был только лес, а на горизонте уже начала блестеть река, через которую мы перепрыгивали с Алессандро. «Если лошадь по привычке решит перемахнуть через реку, то я упаду», – подумала я. Я попыталась ударить ее ногами, сжать бока, но от этого только чуть сама не упала, – животному было все равно. И вдруг я услышала откуда-то сбоку громкий и повелительный голос Алессандра:

– Деспассио!

Лошадь очень резко замедлила темп и почти остановилась. Я, не будучи готова к этому, слетела с нее и упала на землю. Алессандро тут же подбежал ко мне и, нежно обняв за плечи, приподнял с земли:

– Все в порядке? Ты сильно ушиблась?

Мне было больно, но я чувствовала, что все кости целы, поэтому просто ответила:

– Нет.

Алессандро сильно сжал меня в объятиях и прошептал на ухо:

– Никогда больше не пугай меня так, малышка.

Мое сердце начало стучать, кажется, раз в десять быстрее обычного. Еще ни разу Алессандро не вел себя так со мной. Он осторожно помог мне подняться и, придерживая за талию, продолжил:

– Я должен сказать тебе кое-что.

Голос цыгана был напряжен, но лица его я не могла видеть, – он отвернулся и смотрел куда-то в сторону.

– Наш цирк уезжает, – сказал цыган, – сегодня мы даем последнее представление, а завтра, когда все артисты выселятся, мы соберем шатры и тронемся в путь. Я уезжаю вместе с ними.

Мое сердце упало. Я совсем забыла, что цирк должен уехать. Мне казалось, что Алессандро теперь будет со мной всегда. Я не могла ничего сказать. Только молча смотрела на него, а слезы уже начали предательски бежать по щекам. Алессандро привнес в мою скучную жизнь столько всего нового и интересного. Я так не хотела терять все это, что готова была вцепиться в него и умолять на коленях не покидать меня.

Алессандро нежно взял мое лицо в свои руки и смахнул слезы с моих щек.

– Не плачь, пожалуйста, не плачь. Не стоит грустить о таком, как я, – говорил он.

– Но я не хочу расставаться с тобой, я так привязалась к тебе, – сказала я.

– Но я должен, пойми.

– Но почему ты должен? Почему ты не можешь остаться здесь? Найти себе какую-нибудь работу и...

– Работать в поле, например, или подковывать лошадей? Ты это имеешь в виду?

– Нет... но, может, что-нибудь другое. Я не знаю, но не бросай меня, – умоляла я.

– Даже если я останусь, зачем я тебе такой нужен?

Я замялась, потому что не знала, что ответить. Не могла же я сказать, что мне просто нужен был друг, мне мешала моя гордость или, возможно, скромность.

– Ты мне очень нравишься, может быть, позже ты смог бы жениться на мне, если бы захотел, и жить в нашем большом доме. Ты бы ни в чем не нуждался.

– Ты же знаешь, что твои родители не допустят этого брака. Да я и сам не хочу. Я не смогу жить скучной жизнью семьянина. Мне нравится моя жизнь, понимаешь? Она мне нравится, и я ни на что не променяю свободу, даже если мне предложат жениться на принцессе.

Я не знала, что ответить на это. «Я не могу потерять друга, не могу. Что меня ждет потом? То же, что и мою сестру. Вскоре родители начнут искать мне жениха, потом выдадут замуж, и я перееду куда-нибудь, где стану просиживать все дни дома, рожать детей, а потом умру. Не понимаю, о чем сейчас говорит Алессандро, – не понимаю, как от жизни можно получать удовольствие», – думала я.

– Ты еще встретишь достойного тебя человека и будешь счастлива. А меня станешь вспоминать как детскую шалость. Пойдем, я провожу тебя до поляны, – сказал цыган, и мы медленно побрали сквозь негустой лес к поляне, которая должна была разлучить нас навсегда. Весь путь, занявший довольно много времени (правда, мне показалось, что пролетело всего пять минут), мы прошли молча. Алессандро смотрел под ноги, лишь изредка подавая мне руку, если на дороге возникало какое-то препятствие – в виде большого бревна, которое нужно переступить, или ямы, которую нужно перепрыгнуть. Мы уже подходили к поляне, когда у меня в голове родился сумасшедший план, который вскоре изменит всю мою жизнь.

Я взяла Алессандро за руку и остановилась. Он с удивлением посмотрел на меня.

– Я нравлюсь тебе, Алессандро? – спросила я смело. Цыган был ошарашен моим вопросом, но, увидев на моем лице упрямство, через какое-то время ответил:

– Да, ты мне нравишься.

– Ты бы хотел, чтобы мы не расставались?

– Это невозможно, ты же знаешь.

– Но ты сам, кажется, волшебник и можешь все, что угодно.

Цыган грустно усмехнулся и сказал:

– Если бы я мог все на свете, неужели ты думаешь, что я продолжал бы колесить по миру с цирком?

– Мне все равно, маг ты или простой смертный, и мне все равно, что ты подумаешь обо мне, но я скажу вот что: завтра я еду с тобой.

Какое-то время Алессандро молча смотрел на меня. Выражение его лица было непроницаемым, я не могла уловить каких-либо эмоций на нем. Пауза затягивалась, и я уже подумала, что сейчас он начнет отчитывать меня, но, к моему удивлению, он спокойно спросил:

– Ты уверена, что хочешь этого?

– Да.

– И ты не будешь потом реветь и ныть?

– Нет.

– Потому что, если ты начнешь плакать и проситься к маме, мне ничего не останется, как высадить тебя в первом же городе, откуда ты отправишься домой, где тебя вряд ли ждет радушный прием. И твоя репутация окажется испорченной навсегда, и тебе тяжело будет потом выйти замуж, и, возможно, ты навсегда останешься старой девой. Такая перспектива тебя не пугает?

– Нет. Я не вернусь домой, – твердо сказала я.

– Ты плохо себе представляешь бродячую жизнь. Не воображай никаких гостиниц и подушек с перинами. Спать иногда придется и на земле. И к тебе не будут относиться, как к королеве. Придется самой готовить еду и работать, как и всем остальным.

– Мне все равно.

– Наш хозяин не потерпит лишних ртов, которые не приносят ему дохода. Тебе придется заняться чем-то и научиться чему-то. Могут заставить участвовать в представлениях.

– Возможно, мне это даже понравится.

— Малыш, твоя жизнь изменится навсегда. Ты окажешься на дне и никогда уже не сможешь подняться наверх. Зачем тебе это? Я не верю, что ты так влюблена в меня, что ради меня готова перечеркнуть свою жизнь.

— Дело не в тебе. Я не хочу больше такой жизни, какая у меня есть.

— Ты не станешь ненавидеть меня за то, что я отобрал у тебя все, что ты имела?

— Нет, — пообещала я.

Алессандро отошел от меня и задумался. Видно было, что он сомневается. Да и я, по правде говоря, сомневалась в душе: правильно ли поступаю, убегая из теплого уютного дома.

— Сделаем так, — наконец произнес цыган, — завтра днем мы не увидимся. Но я приду сюда в одиннадцать вечера и буду ждать тебя ровно час. Наш караван к этому времени уедет уже далеко, но на моей лошади мы быстро его догоним. Если ты не передумаешь, то приходи. Я прожду час, после чего уеду, и больше мы не увидимся. Если ты передумаешь, то не приходи, даже чтобы сказать мне это. Я все пойму.

Я смотрела на него, такого уверенного в себе, такого загадочного и такого красивого. С ним я была другой. Я зависела от Алессандра, и я это чувствовала, как чувствовала и то, что эта зависимость может погубить меня.

— Согласна, — ответила я.

— Тогда иди домой и подумай обо всем, — сказал цыган.

— Хорошо, — сказала я и направилась к другому концу поляны, откуда можно было выйти на дорогу, ведущую к дому. — Но я не прощаюсь с тобой, — обернувшись, сказала я, — и приду завтра.

И я пришла.

* * *

Было несложно убежать из дома, было сложно на это решиться. Всю дорогу от поляны до Солнечного Ларца я размышляла, стоит ли игра свеч. Но, будучи очень юной, не знающей жизни и даже не догадывающейся об опасностях, которые меня поджидают, я была полна решимости бежать. Так и не выяснив для себя окончательно, от чего же на самом деле бегу, я была готова рас простраться с домом. Мне как-то не верилось, что этим побегом я навсегда закрываю двери в свое прошлое, в свой дом и свою семью. И я не хотела даже думать о том, что меня могут просто не пустить на порог, если я все же надумаю вернуться.

Дома я поднялась к себе в комнату и кинулась к стоявшей на комоде шкатулке. У меня не было денег, но имелись кое-какие украшения, которые, конечно же, не стоили дорого, но мне казалось, что это лучше, чем ничего. О том, что взять из вещей, я решила подумать после ужина. Мне было семнадцать, и в голове у меня гулял шальной ветер.

На следующий день после ужина, когда все разошлись и часы пробили уже полдесятого, я поняла, что нужно подниматься к себе и собирать вещи. Из-за своей глупости и наивности я решила надеть на себя все самое красивое, а теплую и практичную одежду оставила в шкафу. Когда кое-какие вещи были собраны, я завернула их в простыню, и у меня получилось что-то наподобие довольно легкого небольшого мешка.

Я оглядела свою комнату: кровать, комод, платяной шкаф, небольшой столик и стул. «Как же тут уютно», — пронеслось у меня в голове, но я тут же отогнала эту мысль. Я раздумывала: написать ли записку родным или не стоит. И пришла к выводу, что лучше все-таки написать. Тогда родители не будут теряться в догадках, что же со мной произошло, и полиция не станет прочесывать лес в поисках меня. Я не помню, что написала в записке, которую оставила на кровати. Думаю, что-то вроде «Дорогие, мама и папа, а также все, кого я искренне люблю, простите, что покидаю вас! Я должна была уйти. Надеюсь, вы меня поймете и не станете судить строго».

Взяв вещи, я тихонько спустилась вниз и вышла через черный ход. Не думаю, что кто-то мог увидеть меня. Когда я выходила из дома, на часах было уже начало двенадцатого. Идя по дороге, я ускорила шаг, но вскоре поняла, что оделась крайне неправильно. Туфли были на каблуках, поэтому идти быстро я не могла, в тонком шелковом платьице мне стало холодно, и я начала замерзать. К середине пути мои ноги очень болели. Я чувствовала, что до крови натерла их, но останавливаться и поворачивать назад не решалась. Мешок с одеждой уже не казался мне легким, и руки начали болеть. Я понимала, что опоздаю. Алессандро не станет ждать меня. И уже даже подумывала о том, чтобы снять туфли и пойти босиком, но ночи были прохладными, а заболеть я не хотела. Пришлось ковылять дальше. Когда я дошла до поляны, то обессилила окончательно. Вдалеке я увидела Алессандра, сидевшего на лошади. Он сразу же подъехал ко мне и, не спускаясь, спросил:

- Все в порядке? Кто-нибудь видел, как ты сюда шла?
- Нет вроде бы, – ответила я, задыхаясь от волнения. Он, видимо, только сейчас заметил мое состояние и помог сесть на лошадь позади него.
- Я уже подумал, что ты струсила и решила не приходить. Долго ждал тебя.
- Это все туфли, я не могла идти быстрее, – оправдалась я.
- А зачем ты надела такие туфли?
- Потому что это лучшее, что у меня было из обуви. Цыган усмехнулся и, выехав на дорогу, притормозил лошадь:
- Обернись назад и попрощайся. Больше ты этого не увидишь!

Я обернулась назад и посмотрела вдаль. Я не видела ничего, кроме темноты, и в тот момент до меня не дошел смысл слов Алессандра. Я была так измотана морально и физически, что ничего не чувствовала, только усталость.

Несколько часов, в течение которых мы догоняли цирк, пролетели, как секунды. Прижавшись к широкой спине Алессандра, я, казалось, забыла и свой дом, и родных, и все на свете – я была открыта новому миру, который ждал меня.

Мы настигли повозки с артистами поздним утром. Лошадь Алессандро выбилась из сил и, казалось, вот-вот рухнет под нами. Алессандро помог мне слезть и посмотрел на меня нерешительно.

– Пойдем, я отведу тебя в фургон. Ты поспишь немного, – наконец сказал он.

Я молча согласилась и пошла вслед за цыганом. Вскоре мы подошли к красиво разрисованному фургону, который Алессандро назвал «вардо». Отодвинув ширму, сделанную из тяжелой, грубой ткани, Алессандро сказал мне забраться внутрь и поспать. Я пробралась внутрь фургона и в полумраке смогла разглядеть, что он представлял собой маленькую жилую комнату, в углу стояло что-то наподобие кровати. Я села на этот лежак и тут же сняла туфли. Ноги ужасно болели и кое-где кровоточили. Мне не хотелось никого беспокоить и просить воды, чтобы отмыть кровь. Поэтому я продолжала сидеть на чьей-то кровати и тупо смотреть в стенку.

«И зачем я сбежала? Дома скоро поднимется настоящий переполох. Надеюсь, что они не будут сильно горевать обо мне. В конце концов, у родителей есть трое детей. Правда, мальчики сейчас далеко от дома, но зато Диана рядом. И все-таки я поступила нехорошо, бросив их. А тут мне совсем не нравится. Хотя, может быть, потом я привыкну».

С такими мыслями я легла на кровать и, повернувшись на спину, начала изучать потолок вардо. Незаметно для себя я задремала. Мне снилось, что я дома – сижу на скамейке под яблоней в нашем саду и разговариваю с Жанной. Как же мне было хорошо и спокойно во сне. Просто не верится, что все это я променяла на жизнь бродяги.

Глава 3

– Подъем, красавица! – кто-то сильно тряс меня за плечо и кричал чуть ли не в самое ухо.

Я открыла глаза и попыталась оглядеться. Вначале я не могла понять, где нахожусь, но через какое-то время события ночи ожили у меня в памяти.

– Да ты просто спящая красавица! Может, мне поцеловать тебя, чтобы ты наконец поднялась с этой чертовой кровати?! – продолжал кто-то кричать.

Я опешила от такой грубоści: «Где Алессандро? Почему он не защитит меня?» Я села и взгляделась в лицо говорившего. В фургоне было темно, и только за приоткрытой ширмой я видела отсветы факелов.

– Выходи из фургона, да поживее! – голос показался мне знакомым.

Я встала и, не надев туфель, направилась к выходу. Спрятав на землю, я, к своему ужасу, увидела, что возле фургона, где я спала, собирались все артисты. Вокруг уже темнело, и только факелы освещали лагерь циркачей. Похоже, я проспала весь день. Сзади раздался голос:

– А вот и она! Наша новая игрушка!

Я оглянулась и удивилась еще больше, – громкий голос, так нагло разбудивший меня и сейчас потешавшийся надо мной, принадлежал Джерому. Увидев мой изумленный взгляд, он подошел ко мне и, положив руку на плечо, сказал:

– Добро пожаловать к нам в семью, дорогая! Ты должна познакомиться со своими новыми друзьями.

– Но где Алессандро?

Услышав мой вопрос, толпа расхохоталась. Слезы уже были готовы политься из моих глаз.

– Твой Алессандро сейчас напивается, как последний ишак, со своими дружками. Ему плевать на тебя, – ухмыляясь, сообщил Джером.

– Я вам не верю, – сказала я и услышала еще больший хохот толпы.

– Неужели ты подумала, что наш красавец Алессандро может влюбиться в такую дурочку, как ты? Не расстраивайся, мы найдем тебе тут принца. Их у нас полно.

Я ничего не понимала. Почему Джером, раньше такой милый, так странно ведет себя теперь?

– Пожалуйста, давайте поговорим наедине, – как можно вежливее попросила я Джерома.

Он посмотрел на меня и, взяв под локоть, грубо потащил куда-то. Мы приблизились, вернее, он дотолкал меня до большого шатра, куда мы и вошли.

– Ну, и о чем ты хотела поговорить? – как ни в чем не бывало спросил Джером. Сев на один из стульев, он начал чистить ножом яблоко, бросая шкурки на пол.

– Я не понимаю, почему вы так грубы со мной. И может быть, вы объясните мне, что тут происходит? И где все-таки Алессандро?

– Я начну с последнего: как я уже говорил, Алессандро сейчас напивается со своими друзьями. Видно, он думает, что залив алкоголем брюхо, он тем самым заткнет свою совесть, которая, надеюсь, у него еще есть. Касательно того, что здесь происходит, – ничего необычного. Ты проспала всю дорогу, пока мы ехали. Сейчас мы на пути в другую часть страны, где нас уже ждет Энтони. А груб я с тобой потому, что я не могу быть вежлив с глупыми девчонками, которые сбегают от своих родителей, сами не понимая зачем.

Я стояла и не знала, что мне делать. Я вспомнила, что Алессандро ни разу не говорил мне нежностей, за исключением того раза, когда я упала с лошади, не признавался в своих чувствах, вполне возможно, что и не питал их ко мне. Я ведь сама напросилась бежать с ним. Вот только зачем? Сейчас этот вопрос начал мучить меня сильнее прежнего. Зачем я сбежала?

– И что же мне делать? – в растерянности спросила я. Джером громко расхохотался.

— А зачем ты, черт подери, пришла к нам?

Я ничего не ответила, только слезы теплым соленым ручьем потекли по моему лицу.

— Ладно, так уж и быть. Сейчас я отведу тебя к старухе Герде. Она накормит тебя и расскажет о твоих обязанностях на первое время.

Он встал и, взяв меня под руку, вывел из шатра. Вечер был прохладным. Над каждым фургоном я видела зажженный факел. То тут, то там я слышала смех, но мне казалось, что сама я смеяться уже никогда не смогу. Мы подошли к очень старому фургону, если его вообще можно было так назвать. Фургон оказался обычной повозкой, на крыше которой держался навес, местами рваный.

— Герда, выходи, я привел к тебе нового ягненка, — прокричал Джером.

Через какое-то время из темноты повозки послышалось кряхтенье, и появилась старуха весьма непривлекательной наружности.

— Что это за отребье ты мне привел? — проворчала она своим скрипучим голосом и, достав откуда-то из складок юбки трубку, начала ее раскуривать.

— Твоя новая ученица и помощница. Научи ее всему, чему нужно, — сказал Джером.

— Она какая-то другая. Не похожа на предыдущих, — сказала Герда. Я тогда не поняла, что она имела в виду.

— Неважно. Ты же знаешь, что потом будет, — ответил Джером.

— Да, это точно. Можешь идти, Джером, я пригляжу за ней.

Джером ушел, оставив меня один на один с этой ведьмой, дымящей как паровоз. До сих пор я не испытывала неприязни ни к кому из людей, но один вид этой старухи вызвал во мне жуткое отвращение.

— Иди сюда, — сказала Герда, поманив меня пальцем.

Я подошла, и старуха начала медленно рассматривать меня с ног до головы.

— Повернись, — сказала она.

Я стояла, не желая повиноваться ей.

— Повернись, кому говорят, — снова потребовала она.

Я по-прежнему не двигалась, и тут она со всего размаха дала мне пощечину. Я и сейчас не могу понять, откуда у этого старого создания взялась такая сила. Я почувствовала кровь во рту, все лицо горело, и из глаз сами собой брызнули слезы.

— Если я говорю повернись, значит, повернись! — закричала она. — Сейчас принесу тебе вещи. А этот наряд можешь припасти для бала, если, конечно, он еще будет в твоей жизни, — с этими словами старуха повернулась и, забравшись в фургон, начала искать одежду для меня.

«Надо бежать!» — подумала я, и, как будто прочитав мои мысли, из фургона донесся скрипучий голос Герды:

— И не думай о побеге. Если попробуешь бежать, то разбираться с тобой буду уже не я. И поверь, получишь ты сполна.

Через какое-то время она вышла с ворохом тряпок в руках и бросила их мне под ноги.

— Одовайся.

— Но у меня есть своя одежда. Она у меня в мешке, — сказала я.

— Твое тряпье давно разобрано нашими красавицами. Надевай это, ботинки возьмешь вот эти. — И она протянула мне пару жутких, старых, дырявых ботинок, которые были большими для меня.

«Лучше не спорить с ней сейчас, а позже попробовать найти Алессандро и поговорить с ним», — решила я. Подняв тряпки, которые должны были стать моей новой одеждой, я забралась в фургон, чтобы переодеться.

То, что дала мне старуха, оказалось жутким рваньем, которое принадлежало, по-моему, всему табору. Юбка болталась на мне, пришлось подвязать ее обычной веревкой. Нижняя рубашка была явно мужская и вся латанная-перелатанная. А жилет, который я надела сверху,

был весь изъеден молью, но зато подходил мне по размеру. Ботинки оказались огромными, а так как мне не дали теплых чулок, то ноги болтались в этой обувке и то и дело норовили выскочить из нее. В таком вот жалком виде я и предстала перед старухой. Увидев меня, она криво улыбнулась и сказала:

– Пошли, поешь что-нибудь.

Она двинулась вперед, а я пошла за ней. Пока мы шли, я поняла, что фургоны и повозки стоят по кругу, в центре которого был разожжен большой костер, возле него сидело много людей.

Мы с Гердой подошли к костру, и все уставились на нас.

Возле костра лежали какие-то объедки, и старуха, подтолкнув меня к ним, сказала:

– Вот и твой ужин!

Все рассмеялись, за исключением меня. Я попыталась выбежать из этого круга, но дорогу мне перекрыл огромный детина. Я вспомнила, что он был клоуном на представлении, но сейчас на его лице я не увидела ни крупинки смеха или доброты. Попятившись назад, спиной я уперлась в кого-то другого. Обернувшись, я увидела беззубого цыгана, смотревшего на меня и улыбавшегося во весь свой беззубый рот. Он попытался обнять меня, но я отстранилась от него и попала в объятия кого-то другого – на этот раз толстого и низкого рыжеволосого человека. Они все начали пихать меня от одного к другому. Я слышала смех женщин и выкрики: «У нас не любят чужих!» Мне казалось, что этот кошмар и унижение будут длиться вечно. «Где же Александр? Он бы не позволил им так обращаться со мной!» – думала я.

– Хватит вам! Кому говорю! – услышала я голос Герды. – Она слишком хороша для тебя, бродяга. А ну, не тронь ее!

В конце концов, старуха, распихав мужчин, подобралась ко мне и, схватив за волосы, которые давным-давно выбились из прически и свободно спадали на спину, потащила от костра.

Дотащив до фургона, она пихнула меня к колесам и бросила на колени кусок хлеба.

– Ешь! – приказала она.

Я заливалась слезами и даже думать о еде не могла. Старуха отошла куда-то и вернулась с толстой грубой веревкой, на которую было прикреплено несколько колокольчиков. Опустившись на колени, Герда схватила мою ногу и обмотала веревку вокруг лодыжки. Она больно впилась в мою нежную кожу, от чего я еще сильнее взмыла.

– Прекрати реветь, идиотка! Второй конец я повяжу себе на руку и пойду, подремлю часок-другой. Не смей никуда уходить. Я наказала всем следить за тобой. И не думай, если ты никого не видишь, это значит, что рядом никого нет. У нас у всех глаза на затылке. Сиди тихо и ешь свой хлеб, – с этими словами Герда развернулась и залезла в фургон, оставив меня наедине со своим горем.

Я проплакала целую вечность, пока не поняла, что слезами я не смогу себе помочь. Я попыталась успокоиться и начать размышлять трезво. Я не понимала одного – почему со мной так грубо обходятся? Я ведь ничего не сделала и была готова помочь им во всем. И почему я не вижу нигде Александра? Обдумывая все это, я принялась есть хлеб, который дала мне старуха. К моему счастью, факел, прикрепленный над входом в повозку, давал мало света, и я не могла увидеть, что же я ем, но чувствовала, что ем очень черствый и местами заплесневелый хлеб.

«Я не знаю, почему они так поступают со мной, и я не знаю, где Александр, но я знаю наверняка одно – тут у меня нет друзей». – Придя к такому выводу, я окончательно успокоилась и начала думать о том, как убежать из этого ада.

* * *

Через какое-то время старуха вылезла из фургона и потащила меня к уже затухавшему костру. Возле него не осталось почти никого, только пара лилипутов спала на тонкой подстилке вблизи огня. Я могла свободно передвигаться, потому что старуха развязала веревку. Следуя ее указаниям, я принесла кое-какой еды, и мы начали готовить нечто, напоминающее суп. Дома я бы ни за что на свете не притронулась к таким помоям, но сейчас мне было все равно. Я жутко замерзла за ночь, и горячая жижа с противным привкусом согрела меня изнутри. Потихоньку к нам начали подтягиваться остальные артисты: мужчины с заспанными и отекшими от алкоголя лицами, женщины с не до конца смытым гримом, цыгане, калеки и уродцы, карлики и лилипуты. Я и не знала, что в цирковом караване столько людей. Это удивило меня, но и напугало одновременно, – от стольких глаз не скроешься. Я отошла в сторону, но старуха пошла за мной и стояла все время рядом, то и дело поглядывая на меня своими прищуренными глазами. Наверное, она догадалась, что в толпе я пытаюсь высмотреть Алессандро, но его все не было.

– Напрасно ждешь! Твой дружок далеко отсюда, – сказала старуха.

– Что это значит? – спросила я.

– А то, что он поскакал впереди каравана, чтобы сообщить о нашем скором прибытии и подготовить все наилучшим образом для твоего...

– Про что это вы тут говорите, голубки? – раздался сзади громкий голос Джерома.

От неожиданности я вздрогнула, а Герда недовольно сплюнула на землю.

– Негоже так пугать старуху, – проворчала Герда.

– Какая ж ты старуха? Еще недавно могла соблазнить любого, а сейчас называешь себя старухой? – рассмеялся Джером.

– Как себя чувствуете, леди? – поинтересовался Джером у меня.

– Преотлично, – злорадно ответила я.

– Вот и хорошо, скоро мы тронемся в путь, – сказал Джером и, развернувшись, ушел.

Мы действительно вскоре двинулись в путь. Я сидела рядом с Гердой, которая с завидной для ее возраста бодростью управляла лошадью, тащившей ее повозку. Большую часть времени мы молчали, лишь иногда она начинала ворчать, жалуясь то на больную ногу, то на плохое зрение, то еще на что-то.

Остановку мы сделали уже затемно. Опять все повторилось как в первый вечер моего знакомства с циркачами: большой костер и повозки, вокруг огня – пьяные крики мужчин и заливистый, кокетливый смех женщин.

На этот раз старуха не потащила меня к костру, а только принесла немного мяса и овощей, которые мы с ней и съели. Я заметила, что на протяжении всего вечера она не раз отхлебывала из своей фляжки, откуда доносился резкий запах алкоголя.

– Ром! – сказала старуха, – не хочешь глотнуть?

– Нет, благодарю, – отказалась я, но сама подумала, что это только мне на руку – она напьется и уснет крепким сном.

Все случилось, как я того и хотела: ближе к ночи старуха отправилась спать, предварительно привязав мою ногу к своей руке. На ее предложение тоже отойти ко сну я сказала, что еще немного посижу на свежем воздухе, а потом лягу. На улице я просидела, наверное, пару часов. Рядом постоянно кто-то ходил, и я никак не могла претворить свой план побега в действие. Наконец, когда возле меня не было никого, я решилась – очень медленно и осторожно начала развязывать веревку, обмотанную вокруг моей лодыжки. Пару раз колокольчики предательски звякнули, и мое сердце ушло в пятки, но старуха так и не проснулась. Я снова попыталась развязать узел, но, видимо, старуха была мастерицей завязывать их хитроумным способом. Я поняла, что поможет мне только нож, которого у меня, сами понимаете, не было. И

начала думать, чем же можно заменить нож. Повозка старухи была довольно старой, поэтому я без труда вытащила из сколоченных наспех досок ржавый гвоздь. Он не оказался острым, но давал мне какую-то надежду на спасение. Медленно и осторожно я начала разрывать веревку гвоздем. Не знаю, сколько ушло на это времени, мне показалось – целая вечность. Веревка была почти что перерезана, но я не чувствовала рук, не ощущала холода ночи, и пот струился по моему лицу.

Наконец я освободилась от веревки и, осторожно встав, решила поскорее убежать как можно дальше от каравана. Изначально я хотела добраться до ближайшего города, сообщить полиции о случившемся и вернуться домой. Но за все время, пока мы ехали, я не заметила ни одного населенного пункта. Просматривалась только дорога, встречались опустевшие поля и редкий лес. Может быть, мы специально выбирали окольные пути. Поэтому я решила, что как только отойду на приличное расстояние от места стоянки цирка, то бегом пущусь до леса, где затаюсь на какое-то время. Не думаю, что из-за меня одной караван задержится и все бросятся на мои поиски.

Я осторожно пошла в темноту, старясь ступать бесшумно, как кошка. Позади остался почти весь караван, да затухающий костер светился угольками. Никто меня не видел и не слышал. Впереди было только два фургона, из которых не доносилось ни звука. Я подумала, что там, наверное, хранились декорации и костюмы артистов. Как же я ошибалась!

Поравнявшись с фургоном, я заметила на уровне моей головы маленькие окошки с решетками. Вдруг я увидела, что из этих окошек на меня кто-то смотрит. Одна, нет, даже две пары глаз. Я испугалась и, чтобы не закричать, зажала рот руками. Застыв в ужасе и понимая, что сейчас люди выбегут и схватят меня, я не смела ступить ни шагу. Однако постепенно до меня начало доходить, что глаза расположены слишком уж близко друг к другу, да и по форме чересчур круглые.

«Мартышки!» – пронеслось у меня в голове, и на душе сразу полегчало. Я продолжила медленно двигаться под внимательным взглядом этих животных. И когда я уже отошла на несколько ярдов от фургона и начала считать себя победительницей, эти существа принялись кричать. В отчаяньи я рванула что было сил, не разбирая дороги. Я бежала все время прямо, но уже через минуту поняла, что тяжелые, огромные ботинки мешают мне увеличить скорость. Я остановилась и скинула их. Обернувшись, я увидела, что в лагере началась неразбериха. То тут, то там зажигались факелы, слышались недовольные и возмущенные голоса людей. Я побежала так быстро, как только могла, но до леса было еще далеко и спрятаться было негде. Я поняла: все уже знают, что я сбежала, и погоня скоро начнется. Сердце колотилось как бешеное, а холодный ночной воздух обжигал легкие. Считанные ярды оставались до леса. Я не боялась заблудиться, в крайнем случае, я могла залезть на дерево – вряд ли кому-либо пришло бы в голову искать меня там.

Но тут вдруг что-то резко ударило меня в живот и подняло над землей. С перепугу я не поняла, что к чему, и только через несколько секунд увидела, что меня держит в своих руках огромный рыжеволосый клоун Джо.

– Ну что, попался, цыпленок, – злорадно сказал он, дыша мне в лицо алкоголем.

Я никак не могла отдохнуться, да еще он держал меня так крепко, что казалось – сломает мне ребра. Поэтому я только закашлялась.

– Она здесь! – прогремел голос Джо.

К нам уже приближалась толпа людей с факелами. Я понимала, что погибла, и про себя начала читать все известные мне молитвы. Попыталась вырваться из железных лап Джо, но это оказалось мне не под силу. Впереди я увидела Джерома в белой ночной рубашке, на которую он небрежно набросил красивый дорогой халат.

— Чертова девка задумала удрачить от нас! — заорал Джо. У Джерома от злости на лице ходили желваки. Он подошел и со всего размаху заехал мне рукой по лицу. У меня в глазах засверкали звезды, а в ушах раздался звон.

— Неблагодарная тварь! — проревел он, — отведи ее в фургон с обезьянами, из него она не сможет убежать, и задай ей хорошую трепку!

Джо, перекинув меня через плечо, пошел к лагерю. Все смотрели на меня с каким-то невыносимым презрением, как будто я была не человеком, а мерзким чудовищем, заслуживающим смерти.

Подойдя к фургону с мартышками, Джо скинул меня на землю. Первый удар пришелся в живот, второй — по голове, третий — по спине. О дальнейшем я помню весьма смутно. Удары сыпались на меня как град. Джо не гнушался бить даже ногами. Закончив экзекуцию, он поднял меня и швырнулся в фургон, где стояли клетки с мартышками. Я лишилась сознания, а когда пришла в себя, то обнаружила, что лежу на полу. Тело болело, лицо было в крови, я почти ничего не видела, так как все лицо опухло от побоев. Во рту ощущался привкус крови. Дотронувшись языком до переднего зуба, я поняла, что от него осталась только половинка, которая едва держится. Я снова потеряла сознание и находилась в таком состоянии до утра.

Меня разбудил поток ледяной воды, вылитой мне на лицо. Рядом стоял ухмыляющийся Джером с пустым ведром в руках.

— Ну что, как себя чувствует наша беглянка?

От боли я не могла ничего сказать, даже толком увидеть Джерома, — все расплывалось перед глазами, которые сильно заплыли. Окинув меня взглядом и убедившись, что я жива, он ушел, заперев за собой дверь. Не знаю, сколько я пролежала в забытьи. Иногда пробуждалась от криков обезьян и тогда снова окуналась в поток боли, который накрывал все мое тело. Повозка тряслась, и я понимала, что мы едем дальше. Куда — мне было безразлично. Я хотела умереть, но в то же время мечтала выжить и сбежать. К вечеру я окончательно пришла в себя. Правда, все тело невыносимо ломило, но, к моему удивлению, я уже нормально видела, — отеки под глазами стали как будто бы меньше. Я кое-как села, опервшись о стенку фургона. Через узкие окошки наверху просачивался свет от костра, — мы вновь остановились. Я с ненавистью смотрела на обезьян в клетке — это из-за них я опять очутилась в цирке. Меня начала мучить жажда, но я не собиралась кричать и звать на помощь. Я знала, что рано или поздно, но Джером заявится ко мне. Так и произошло.

Через какое-то время послышался звук отпираемого замка, и в дверном проеме появился Джером, державший керосиновую лампу в руке.

Я поморщилась от света, так как уже успела отвыкнуть от него, сидя все время во мраке.

Джером подошел ко мне, я убрала руку от лица и заметила, как ехидное выражение его лица сменилось на удивленное. Он отошел в сторону на несколько шагов и искоса посмотрел на меня.

— Ты можешь встать? — тихо спросил Джером.

Я попыталась встать и сделала это, правда, не без труда. Опервшись спиной о стену, я подняла голову и с вызовом посмотрела на Джерома. От злости я даже перестала чувствовать боль, хотя недавно думала, что умру от нее.

Глаза Джерома стали круглыми, как монеты.

— Это невозможно... — пробормотал он, а потом уже громче добавил: — Выходи, если можешь, иди поешь.

Я, пошатываясь, направилась к двери. Ноги были ватными и плохо меня слушались. Кое-как я спустилась на землю и поковыляла к костру. Несмотря на недавние побои, я ужасно хотела есть, думала, что быка проглотчу за один раз. Я шла медленно, стараясь ступать осторожно и смотреть под ноги, но от меня не укрылось то, как странно на меня смотрели арти-

сты. Некоторые в изумлении останавливались, другие начинали перешептываться. Джером шел сзади меня и то и дело ворчал: «Чего уставились?»

Подойдя к костру, я увидела сидевшую на траве Герду с трубкой во рту. Она была вся в клубах дыма, словно колдунья, возникшая из-под земли. Герда, заметив меня, чуть не выронила трубку изо рта.

– Мать честная! Вы поглядите на нее! – громко сказала она.

Собравшиеся возле костра прекратили заниматься своими делами, затихли смех и разговоры, – все уставились на меня.

– Похоже, Джо потерял свою хватку, – раздалось откуда-то слева.

– Как на собаке, надо же... – донеслось откуда-то справа.

Я не понимала, о чем они говорят, да и есть мне хотелось так, что я не могла думать ни о чем другом, кроме еды.

– Герда, дай мне что-нибудь поесть, я сейчас умру с голода, – попросила я старуху.

Герда, кряхтя, встала и, взяв лежавшую возле нее тарелку, из которой, по всей видимости, она только что ела, налила мне в нее суп из общего котла. Я забыла свою брезгливость и с жадностью накинулась на похлебку. Я уверена, что она была ужасной, но в тот момент суп показался мне божественно вкусным.

Собравшиеся возле костра все так же продолжали глязеть на меня, только Джером куда-то исчез.

– Почему они все уставились на меня, Герда? – наконец спросила я.

– А ты как будто не понимаешь?

– Нет, не понимаю.

– Да потому что Джо избил тебя до полусмерти. Мы думали, что ты вообще не оклемаешься, а если и придешь в себя, то через несколько дней. А вышло, что сейчас ты сидишь среди нас, ешь этот суп, как будто это самая вкусная еда на свете, и на тебе ни одной царапинки или синяка. Только разве что одежда перепачкана и порвана.

До меня не сразу дошел смысл сказанных старухой слов. А когда дошел, я медленно опустила тарелку на землю и осторожно дотронулась пальцами до лица. Я думала, что сейчас меня пронзит боль, но ничего не произошло. Я потрогала веки – должны были быть опухшими, но на ощупь все оказалось в порядке. Даже рассеченная от удара губа не саднила, но что меня удивило еще больше, так это передний зуб – он снова был целым. Я не могла взять в толк, как такое возможно, ведь я отчетливо помнила, что мне его сломали.

– Герда, у тебя есть зеркало? И где здесь можно умыться? У меня все волосы в запекшейся крови, – сказала я.

– Пойдем, – ответила старуха, и мы пошли к ее фургону, где она оттерла меня мокрой тряпкой от крови и дала новую одежду, вернее, новое тряпье. Я с удивлением рассматривала свое отражение в зеркале, поражаясь тому, как быстро все зажило.

По дороге к фургону все люди каравана с недоумением смотрели на меня. В их глазах, помимо удивления, я заметила страх.

* * *

Утром мы снова отправились в путь. Я все время была под присмотром Герды, да и предпринимать вторую попытку к бегству мне не хотелось. Я дремала в повозке. Мне снился дом, родители, Диана. Как хорошо было бы сейчас оказаться с ними, думала я.

К обеду мы добрались до какой-то маленькой, богом забытой деревушки. Стоянку устроили на ее окраине, а некоторые артисты из труппы пошли в деревню. Мне запретили куда-либо уходить, и я осталась стоять возле фургонов, глядя вспину удалявшимся счастливчикам. Там, в деревне, возможно, я нашла бы кого-то, кто помог бы мне сбежать и добраться домой.

Мы с Гердой приступили к приготовлению обеда. Припасов было мало, и старуха надеялась, что те, что ушли в деревню, скоро вернутся и принесут какую-нибудь еду.

Я чувствовала себя довольно сносно, правда, ощущалась слабость, и мне постоянно хотелось спать и есть. Я сама удивилась своему быстрому выздоровлению. Мне это показалось странным, хотя сравнить скорость моего выздоровления было не с чем, – за все годы моей жизни меня ни разу не били, я почти не болела, поэтому никогда не сталкивалась с подобным. Конечно, в детстве у меня были ссадины, но, признаться, я не помню, сколько времени уходило на то, чтобы они зажили.

Через час или два народ начал потихоньку подтягиваться к нам. Из деревни кто-то привнес молоко, яйца, ветчину, хлеб. Мне показалось странным, но все почему-то пытались угостить меня. Я брала, так как ужасно хотела есть, но моя ненависть и презрение к этим людям не стали от этого меньше. Я думала, что, поев, мы тронемся в путь, но никто не торопился собирать вещи.

– Разве мы не должны ехать дальше? – спросила я Герду.

– Пока нет, мы ждем кое-кого, – ответила старуха.

И на самом деле на горизонте вскоре показались двое наездников. Они скакали к нам во весь опор. Я подумала, что у меня остановится сердце, когда в одном из них узнала Алессандро. Кровь закипела в моих жилах, а злость, казалось, сейчас захлестнет меня до такой степени, что я потеряю сознание. Невольно я сжала кулаки, Герда, заметив это, тихо сказала:

– Успокойся, не показывай гнева. Алессандро ни в чем не виноват.

Вторым наездником оказался брат Алессандро – Гордий. Они спешились и направились к стоявшему рядом со своей повозкой Джерому. Похоже, никто, кроме меня, не заметил приехавших, – все артисты продолжали заниматься своими делами.

– Я хочу поговорить с ним, – сказала я Герде и направилась к стоявшей вдалеке троице.

– Стой, глупая, не надо, – услышала я сзади голос старухи, однако догонять и останавливать меня она не стала.

Быстрым шагом я приближалась к цыганам. Гордий заметил меня и пихнул в бок Алессандро, чтобы привлечь его внимание, но тот никак не отреагировал на это. Он был слишком занят разговором с Джеромом. По лицам обоих я заметила, что спор разгорелся нешуточный, и, видимо, только какая-то причина заставляла их сдерживаться, чтобы не закричать друг на друга.

– Алессандро! – громко позвала я.

Цыган вздрогнул и, повернув голову, посмотрел на меня. Молчание нарушил Джером.

– Какого черта ты сюда пришла? Убирайся, пока я опять не натравил на тебя Джо.

– Я хочу поговорить с Алессандро! – сказала я.

– Я хочу поговорить с Алессандро, – передразнил меня Джером. – Наша капризная принцесса решила, что она может повелевать нами. А ну, убирайся отсюда!

Не знаю, показалось ли мне, но в глазах Алессандро мелькнул гнев.

– Я поговорю с ней, Джером, – спокойно сказал он и направился ко мне.

Он подошел и, с грустью посмотрев мне в глаза, тихо попросил:

– Давай отойдем.

Вся моя злость улетучилась, мне даже на какое-то мгновение стало жалко его, – настолько грустным и потерянным он выглядел. Мы отошли от Джерома и Гордия. Я нарушила молчание первой:

– Алессандро, я ничего не понимаю. Зачем я понадобилась тебе?

– Меня вынудили уговорить тебя поехать со мной.

– Но зачем?

– Я не знаю.

– Ты врешь! Ты опять врешь! – вся моя злость вернулась ко мне с новой силой. – Сначала ты меня привез сюда, потом непонятно куда исчез. Со мной обращались тут как с собакой, избили до полусмерти, не дают и шагу ступить. И я не понимаю, зачем все это! А ты мне опять врешь и говоришь, что ничего не знаешь!

Алессандро тяжело вздохнул и, положив мне руку на плечо, сказал:

– Послушай, я в таком же положении, как и ты. У меня не оставалось выбора. Я должен был увезти тебя или...

Тут Алессандро замялся, опустив глаза.

– Что же ты молчишь?

– Я и так сказал слишком много.

– Так что я для тебя? Просто приказ, который надо было исполнить? Цыгане, правильно меня предостерегали родители, весь ваш род – это род собак, которые ради собственной выгоды сделают все, что угодно! – я вся пылала от ненависти к нему и, сказав все это, плонула ему в лицо.

Алессандро вздрогнул, вытер рукавом лицо, но ничего не сделал мне и не сказал.

– Ах ты тварь! – услышала я сзади гневный голос Джерома, и уже через несколько секунд сильный удар обрушился на мой затылок. Перед глазами все поплыло, я почувствовала, как сильные руки Алессандро подхватили меня, а дальше... я провалилась в черную бездну. Мне казалось, что я лечу в темноте, а где-то рядом слышится голос Алессандро. Он что-то громко говорил. «Наверное, Джерому», – пронеслось у меня в голове. Тот тоже что-то отвечал. Судя по голосам, оба мужчины были злы. Я пыталась прийти в себя, открыть глаза, как-то пошевелиться, но тело не слушалось меня. Я не хотела сдаваться и погружаться в темную глубину забытья, но и сопротивляться ей у меня уже не было сил.

Глава 4

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я очнулась, но мое пробуждение было далеко не самым приятным. Открыв глаза, я ничего не увидела перед собой. На какой-то момент мне даже показалось, что я ослепла. Я запаниковала и попыталась сесть, но, стоило мне привстать, как тут же я ударила лбом обо что-то твердое. Теперь, помимо саднившего затылка, у меня заболел и лоб. Я стала судорожно колотить руками и ногами, но ничего не происходило. Я лежала в узком ящике. «Гроб! Я умерла, и меня похоронили заживо!» – подумала я. В ужасе я закричала и еще яростнее начала биться о его стенки. Через какое-то время, приди в себя, я оценила ситуацию и мои шансы на спасение. Пролежав несколько минут спокойно, я стала ощупывать руками ящик. Может, это все же не гроб и где-то есть защелка? Пространство было такое узкое, что толком ознакомиться со всей поверхностью оказалось невозможно. Она была гладкой, сделанной из дерева, а справа я нашупала два металлических зажима, но никак не могла понять, для чего они нужны. Провозившись с ними еще какое-то время, я решила раскачиваться. Если я лежу в земле, то, понятное дело, это ни к чему не приведет. А если ящик стоит на полу или на столе то, может, мне каким-то образом удастся его сдвинуть. Я вертелась как волчок, но ничего не менялось. Тогда я завопила во все горло. Кричала я так долго и громко, что через какое-то время сорвала голос. Но мои вопли дали результат: я услышала какой-то посторонний шум и затем звук открываемых замков. Наконец-таки крышка ящика, в котором я лежала, открылась, и я вздохнула с облегчением. Надо мной, склонившись, стоял Джером.

Я приподнялась и огляделась по сторонам: ящик, который я спутала с гробом, на самом деле служил цирковым инвентарем, точнее – ящиком для распиливания. Туда ложилась одна из девушек, которую потом «распиливали». Этот ящик я заметила еще во время моего пребывания в караване.

– Как поспала? – спросил меня Джером.

Все еще помня его удар по затылку, я злобно посмотрела на него и не менее злобно прошипела, так как голос мой был сорван:

– Спасибо, хорошо.

Я попыталась выбраться из ящика, но это оказалось не так уж и легко, – стенки были довольно высокими, а тело не хотело меня слушаться. Джером грубо схватил меня и вытащил из ящика. Мы находились в маленькой пыльной комнатенке, единственным источником света в которой была керосиновая лампа, принесенная Джеромом. Вокруг стояли и лежали другие цирковые принадлежности и чемоданы с костюмами артистов.

– Добро пожаловать в Шотландию, и приношу извинения за ящик, – сказал Джером шутливым тоном, указывая на сундук, в котором я только что лежала, – нам пришлось спрятать тебя.

– Спрятать? – спросила я, но Джером ничего не ответил. «Возможно, меня искала полиция. Это объясняет все», – с грустью подумала я, поняв, что еще один шанс на спасение был потерян.

– Вперед, тебя ждет комната наверху, – приказал Джером и подтолкнул меня к выходу.

По темной лестнице мы поднялись наверх, в то время как откуда-то снизу доносился шум и смех. «Наверное, мы в гостинице», – предположила я. Пройдя по коридору, мы подошли к двери, и Джером, распахнув ее, грубо втолкнул меня в комнату. Из кресла, стоявшего в углу, тут же поднялась молодая симпатичная девушка. Джером что-то сказал ей на непонятном мне языке, и та ушла, закрыв за собой дверь.

– Это Сабrina. Сейчас она принесет воды и поможет тебе умыться и переодеться во что-то более подобающее, – он с презрительностью посмотрел на мой грязный и потрепанный наряд. –

И не смей ничего вытворять. Девушка останется с тобой на всю ночь. – После этого он вышел из комнаты.

Комната, где я находилась, располагалась на чердаке, так как стена рядом с кроватью была скосена по форме крыши. В центре помещения стояла большая деревянная кадушка, наполненная горячей водой, от которой шел пар.

Вскоре вернулась Сабрина с двумя ведрами холодной воды, – она разбавила воду в кадушке. Потом девушка подошла и попыталась помочь мне раздеться. Но я, показав знаками, что не нуждаюсь в ее помощи, начала стаскивать с себя тряпье. Признаться, я сгорала со стыда, ведь служанка даже не потрудилась отвернуться. Мало того, она уставилась на меня так, что мне стало неловко. Однако я была очень измощдена и чувствовала себя такой грязной, что решила не обращать на нее внимания, забравшись в воду, я закрыла в блаженстве глаза. Через какое-то время Сабрина нарушила мой покой, осторожно взяв мою руку, она стала намыливать ее и тереть щеткой. Я, уставшая, начала вяло сопротивляться, но вскоре бросила это занятие. Никогда еще теплая ванна не казалась мне такой приятной. Саднивший затылок к тому моменту давно прошел. Не было даже шишк от удара.

После купания я надела белую сорочку, которую подала мне служанка и, забравшись под одеяло, почти сразу уснула. До этого я заметила, что Сабрина села в кресло и взялась за рукоделие, попутно попивая чай.

Прошло, наверное, несколько часов, прежде чем я почувствовала, как кто-то трясет меня за плечо. Открыв глаза, я испугалась не на шутку, увидев перед собой лицо Алессандро с распущенными и взлохмаченными волосами. Я даже чуть было не закричала, но он быстро зажал мне рот рукой. Затем прижал палец к губам, давая понять, чтобы я молчала. Я послушно кивнула, и он убрал руку с моего рта. Осторожно Алессандро помог мне подняться с кровати, и я тихо засеменила за ним. Я заметила Сабрину, все так же сидевшую в кресле, и толкнула в бок цыгана, но он только отмахнулся и осторожно приоткрыл дверь. Я еще раз посмотрела на служанку и поняла, что та спит. Мы вышли в коридор. Отойдя немного вправо, Алессандро подошел к стенке и дернул за веревку, намотанную на крюк в стене, – открылось отверстие, ведущее на крышу. Он подставил руки, я осторожно встала на них, будто бы на ступеньку, и уцепилась за края отверстия, а потом почувствовала, как Алессандро выталкивает меня наружу. Кое-как я выкарабкалась наверх. Встав во весь рост, огляделась – я стояла на крыше двухэтажного здания. Вокруг было полно таких же домов. Над головой, в темном небе сияли звезды и тонкий золотистый полумесяц. В одной ночной рубашке мне стало холодно, но я отогнала мысли о холода подальше от себя. Сейчас это было не так важно. Через несколько секунд рядом уже стоял Алессандро. Забраться через чердачный проем на крышу для него не составило труда.

– У нас мало времени, – сразу сказал он.

Я посмотрела на него и удивилась – насколько он был серьезен.

– Я должен тебе сказать кое-что, – начал он, глядя мимо меня куда-то в даль. – Я не хочу, чтобы ты ненавидела меня. У меня не оставалось выбора. Я должен был уговорить тебя бежать со мной. Иначе… Иначе они бы совершили нечто ужасное с моей сестрой.

– Кто они? – хотела узнать я.

– Не перебивай, я должен рассказать все. Я не знаю точно, зачем ты им нужна. Но думаю, что не для благих целей. Уже давно в нашем караване периодически появляются разные девушки, которые потом внезапно исчезают. Что с ними случается, я не знаю. Но никто из наших их больше не видел. Я не хочу, чтобы тебе причинили вред, поэтому слушай меня внимательно. Ты должна попробовать сбежать ровно через одну ночь.

– Но почему я не могу сбежать сейчас?

– Ну, во-первых, сноторвное, которое я чудом подложил служанке, скоро перестанет действовать, и она может проснуться. Если Сабрина проснется и не обнаружит тебя рядом, то

начнется переполох, а ты в этой белой сорочке далеко не убежишь и не спрячешься. А, во-вторых, нужно подождать еще один день.

– Я не понимаю, – в отчаяньи сказала я.

– Помнишь ту молодую цыганку на представлении? Она была на белой лошади.

Я тут же вспомнила нежный перезвон монеток, пришитых к одежде молодой и очень красивой девушки, разъезжавшей на белом коне во время того рокового представления.

– Это моя сестра Ясмин. Она сейчас у них. И если ты сбежишь сейчас, то я не знаю, чем это закончится для нее, – сказал Алессандро.

– А чем это закончится для меня, если я не сбегу сейчас? – гневно спросила я.

Опять он думал только о себе. Все наши прогулки – это всего лишь игра, затеянная ради спасения его сестры. Какой же глупой я была!

– Мне плевать, что будет с тобой или с твоей обожаемой сестрой. Я не знаю, кого ты имеешь в виду под словом «они», но раз «они» могут причинить вред твоей сестре, то и мне они ничего хорошего не сделают. Я ухожу, цыган, спасибо, что предупредил об опасности, – с этими словами я отпихнула его и направилась к краю крыши, чтобы посмотреть, откуда можно спрыгнуть или каким-то образом спуститься.

Алессандро догнал меня и, больно сжав руку, развернул к себе.

– Ты не сделаешь этого, я насильно затащу тебя в комнату и закрою там, – пригрозил он.

– Тогда я подниму крик уже сейчас, и все узнают, что ты сам вывел меня на крышу.

– Я помогаю тебе, а ты хочешь предать меня.

– Но ты сам поступил не менее низко, заманив меня в ловушку. То, что это должно было спасти твою сестру, не искупает твоей вины. Нельзя рисковать жизнями других людей, пусть даже и незнакомых тебе, ради себя самого и своих близких. Ты просто не имел права так поступать со мной. И сейчас мне безразлично, что будет с тобой или с твоей Ясмин.

Я вырвалась и, подойдя к краю крыши, посмотрела вниз. В темноте трудно было различить что-либо, но мне показалось, что на земле, прямо подо мной, что-то лежит. Что-то, похожее на кучу тряпок или соломы.

– Ты убьешься, если прыгнешь, или все себе переломаешь. Подожди немного. Я обещаю, что помогу тебе бежать, – раздался сзади умоляющий голос Алессандро.

– А почему я должна тебе верить? – спросила я, даже не обернувшись. Глазами я искала водосточную трубу, карниз, веревку или еще что-то, что можно было использовать для безопасного спуска, но ничего подходящего я не видела.

Я резко повернулась и посмотрела в глаза Алессандро. Сейчас он не казался мне прекрасным. Наоборот, он был каким-то жалким и унылым.

– Ты такая красивая, – вдруг сказал Алессандро.

– Перестань, – ответила я, а сама вся сжалась. Я ведь стояла в одной сорочке, которая облепляла мое тело, но от волнения я даже не ощущала стыда.

«Надо бежать», – звенело у меня в голове.

– Алессандро, помоги мне бежать сейчас, и мы спасем твою сестру, – предложила я.

– Нет, я не могу. Возвращайся к себе, я все устрою.

– Но я уже тебе не доверяю. Извини, – сказав это, я быстро развернулась, зажмурилась и прыгнула. Я до сих пор не понимаю, откуда во мне взялось столько мужества – прыгнуть со второго этажа, даже не раздумывая.

«Боже, это не сено!» – поняла я за секунду до приземления. Это была куча наваленных дров. Я не почувствовала боли только потому, что потеряла сознание. Я даже вскрикнуть не успела.

* * *

– Похоже, у нее переломаны кости рук и ног и, мне кажется, несколько пальцев левой руки, – откуда-то издалека раздался тихий голос.

– Как долго она будет поправляться? – послышался голос Джерома.

– Месяц, два, может, и больше. Я не знаю. Она молодая, все зависит от организма и ухода за ней, – ответил другой голос.

– Нет, так не годится, это слишком долго. Я не могу ждать, – сказал Джером, – можно как-то ускорить ее выздоровление?

– Я всего лишь доктор, а не волшебник. Вы хотите слишком много. Скажите лучше спасибо, что она не убилась насмерть. В конце концов, это вы фокусник, вот и вылечите ее одним из своих магических приемов.

Я услышала звук удаляющихся шагов и решила, что мужчины ушли. Я открыла глаза и поняла, что почти ничего не вижу – все расплывалось. Боль была очень сильной, я чувствовала себя хуже, чем тогда, когда меня избил Джо. На этот раз болело все тело, только лицо оставалось приятным исключением.

«Неужели я навлекла на себя гнев Бога, сбежав из дома? Наверное, так и есть. Почему же он тогда просто не даст мне умереть?» – думала я. События ночи пронеслись у меня в голове. Я вспомнила слова Алессандро о «них» и сопоставила со словами Джерома «я не могу ждать». «Что все это значит? Для чего я «им» нужна? От кухарки я как-то слышала, что в больших городах есть женщины, предлагающие некие услуги мужчинам за деньги. Неужели из меня хотят сделать одну из них? Но почему именно я? Неужели вокруг мало других девушек? В любом случае, пока я больна, никто не станет меня трогать. Может, меня просто убьют или все-таки отправят домой? А если они будут ждать моего выздоровления, то зачем им нужна калека? Не думаю, что смогу полностью оправиться», – мои размышления прервала сильная боль в ноге. Одна рука была перевязана, и я не могла ею двигать, вторая более-менее слушалась меня, только несколько пальцев оказались перебинтованы. Я попробовала отдернуть одеяло, чтобы посмотреть, что же случилось с моими ногами, но и это получилось у меня не сразу. Рука никак не хотела слушаться, но, наконец, я все же скинула одеяло. Левая нога была вся синяя. Видимо, ей хорошо досталось. А вот правая испугала меня гораздо больше, кое-где ее туто перевязали, наложили жгут, но вся марля уже пропиталась кровью, и пятно увеличивалось и увеличивалось. Боль становилась все невыносимей. Жгут, казалось, сдавливает ногу и усиливает боль, и мне тут же захотелось его снять. Я понимала, что нельзя этого делать, но боль не давала мне покоя. Я закричала. На мои крики прибежала Сабrina. Она смотрела на меня, хлопая длинными ресницами, и не понимала, чего же я хочу. А я и сама не знала, потому что боль раздирала меня изнутри. Девушка убежала и буквально тут же вернулась с пузырьком какого-то лекарства и дала мне его выпить. Вскоре я почувствовала, как боль отступает и я начинаю погружаться в приятное состояние безразличия. Мир уже не казался мне таким ужасным, а моя судьба и вовсе не интересовала меня. Я посмотрела на Сабрину, – она начала расплываться перед моими глазами, пузырек в ее руках тоже. Но, перед тем как окончательно провалиться в сон, я успела прочитать на этикетке «Опиум».

Когда я проснулась, мне показалось, что боль прошла, но я ошиблась, она с новой силой стала меня мучить. «Они, наверное, неправильно наложили жгут», – решила я и опять откинула одеяло, которым Сабrina заботливо укрыла меня. На этот раз моя рука слушалась меня гораздо лучше, да и болела куда меньше. Комнату освещал только свет полумесяца, пробивающийся сквозь незанавешенные окна, но даже при таком слабом освещении, я увидела, что все бинты на правой ноге темные от крови. Простыня, на которой я лежала, тоже была в крови. «Я умру от потери крови, если ничего не сделаю», – подумала я.

Я попыталась сесть на кровати, но резкая боль в груди помешала этому. Мне стало больно дышать и двигаться, словно в легкое впилось что-то острое. Я слабо простонала, мой стон разбудил спящую в кресле служанку.

Девушка подошла ко мне и спросонья долго не могла понять, что я от нее хочу. Потом она наконец увидела мою окровавленную ногу и, всплеснув руками, вышла куда-то. Нога горела огнем. Мне показалось, что Сабрины не было вечность, но скорее всего девушка вернулась довольно быстро. Она принесла с собой керосиновую лампу, а позже – тазик с теплой водой и чистые бинты.

Осторожно служанка принялась развязывать бинты на моей ноге. Каждое прикосновение доставляло мне невероятную боль. Я пыталась сдерживаться и не кричать, поэтому вся покрылась потом. Мне показалось, что я вся горю, – вероятно, у меня начался жар.

Девушка размотала марлю и сняла жгу ты. Она поставила лампу на столик, рядом с изголовьем моей кровати, и осторожно начала отмывать мою ногу от крови. Я решила взглянуть на то, во что превратилась моя нога, и пришла в ужас: на лодыжке был огромный разрыв, который и кровоточил, а из самого разрыва торчал маленький светлый кусочек. Кость! Я никогда не видела такого прежде, и мне сразу же стало дурно. Усилием воли я сдержала приступ тошноты. Голова закружилась еще сильней. Судя по бледному лицу Сабрины, она тоже видела такую жуткую рану впервые. Служанка уже хотела выбежать из комнаты и, возможно, позвать кого-то на помощь, но я машинально схватила ее за запястье. Уже одно то, что моя переломанная рука мертвой хваткой вцепилась в руку девушки, должно было насторожить как Сабрину, так и меня, но никто из нас не подумал об этом в тот момент. Новая волна боли пронзила мое тело, и я выгнулась на кровати. Невзирая на безумную боль в груди, я чувствовала, как кровь пульсирует в ноге. Все мое внимание было сосредоточено только на покалеченной ноге. Мне казалось, что я ощущаю каждую артерию, каждую мышцу, каждую ее клеточку. Я держала руку Сабрины крепко, как могла. Она уже не сопротивлялась, а только круглыми от удивления и страха глазами смотрела на мою ногу. На ее лице был ужас. Я повернула голову и не поверила своим глазам: кость, только что торчавшая из ноги, медленно погружалась в нее обратно. Мне показалось, что я даже слышу хруст. Боль была, но уже не такой острой, а скорее садняющей, противной и долгой. Я уже не видела кости, рваная рана также начала уменьшаться. Она словно затягивалась. Сабрина вскрикнула, наконец ей удалось вырваться из моей хватки, и она в панике выбежала из комнаты.

Я была предоставлена самой себе. Глядя на свою ногу, которая уже почти не болела, я не могла поверить в случившееся.

«Сам Господь Бог помогает мне, – почему-то подумала я. – Когда они увидят, что моя нога в полном порядке, это насторожит их, и, может быть, они отпустят меня». Мне хотелось верить в это, потому что сбежать самостоятельно я еще не могла. Я была очень слаба. Через какое-то время сон сморил меня.

Я проснулась от яркого света за окном. Открыла глаза и удивилась: в комнате по-прежнему никого не было. Откинув одеяло, я убедилась, что события ночи вовсе не приснились мне. С удивлением я заметила, что другая моя нога тоже в полном порядке, – огромный синяк бесследно исчез.

Я села на кровати и поняла, что и боль в груди прошла. Тогда я начала разматывать бинты на пальцах и переломанной руке. К моему восторгу и пальцы, и рука были совершенно здоровы.

– Как новенькая! – сказала я вслух и поспешила встать с кровати.

От резкого подъема у меня потемнело в глазах, и я была вынуждена сесть на край постели. Приступ дурноты прошел, и, осторожно встав, я начала искать свою одежду. На полу я нашла довольно широкую и теплую шаль Сабрины, которую она, очевидно, уронила ночью, выбегая из комнаты. Завернувшись в нее, я подошла к двери и повернула ручку. Я была в полной уве-

ренности, что дверь не поддается, и с величайшим удивлением обнаружила обратное. Приоткрыв ее, я никого не увидела и осторожно вышла в коридор. Мне хотелось скорее выбраться из этого дома. Я не слышала никаких звуков, пока спускалась по лестнице. Наверное, было очень рано, и все еще спали, а может, покинули дом вслед за Сабриной. Спустившись на первый этаж, я оказалась в таверне. Везде стояли стулья и столы. Выход находился в нескольких футах от меня. Я ринулась к двери. Меня не смутило даже то, что я была босая. Увы, дверь оказалась заперта. «Нужно искать заднюю дверь», – решила я, но тут услышала голос Джерома:

– Куда это вы собирались, леди?

Я обернулась и увидела, как он в своем ярком и пестром цирковом костюме стоит за барной стойкой и потягивает вино из бокала.

– Вы поражаете нас своим удивительно быстрым выздоровлением. Должен сказать, что никогда прежде не видел такого. Все наши фокусы – сплошная мишуря по сравнению с вами.

Тут он с удивительной для его грузного тела легкостью перепрыгнул через стойку и направился ко мне.

Я не знала, следует ли мне бежать, и стояла завернутая в шаль, в оцепенении глядя на него.

– Милая, я прошу простить мне мою былую грубость. Я думаю, что такое добре и очаровательное создание, как вы, уже успело позабыть все наши маленькие недоразумения. Вы же знаете, я действовал, исходя из обстоятельств, – сказал он с самым невинным видом.

– Ошибаешься, я ничего не забыла, – ответила я.

– Ну-ну, не будем снова ссориться. Я мог оставить вас помирать на куче этих бревен, но нет, я вызвал самого лучшего в этом городе врача. Неужели вы не чувствуете себя обязанной мне?

– Нисколечко.

– Вы так молоды, так мало знаете жизнь. Пройдет время, и вы скажете мне спасибо. Не хотите ли поесть? Помнится, после прошлого инцидента с Джо у вас был волчий аппетит. Посмотрите налево! Видите? Стол накрыт специально для вас.

Я действительно умирала с голода и, увидев обилие пищи на столе, не удержалась. Ноги сами понесли меня к яствам, и я набросилась на еду. Сладкое, соленое, жареное, вареное, мучное – я все ела вперемешку. Джером сел напротив меня и дружелюбно улыбался, время от времени подливая мне воды в бокал.

Почувствовав, что наелась, я отложила вилку и нож в сторону и внимательно посмотрела на Джерома.

– Сейчас, когда вы насытились и успокоились, я думаю, мне будет проще поговорить с вами.

– Я слушаю.

– Я хочу предложить вам сделку. Если мне не изменяет память, убегая с Александро, вы хотели колесить по миру с цирком, участвовать в представлениях. Я могу научить вас трюкам и фокусам, гораздо более впечатляющим, нежели те, что вы видели у себя в городке. Даже вашему Александру ничего не известно о них. Вы были бы звездой цирка, сколотили бы себе целое состояние и прославились бы. Вы смогли бы с достоинством вернуться домой.

– Что с Александро? – спросила я, вспомнив, что ничего не знаю о нем с той самой ночи на крыши.

– С ним все в порядке. Не беспокойтесь. Так что вы скажете на мое предложение?

– Я не понимаю одного, если я вам так нужна, почему вы предлагаете это только сейчас? – спросила я.

На секунду Джером замялся, но тут же ответил:

– Вся наша поездка была маленьким испытанием для вас, которое вы успешно прошли.

Я вспомнила о том, что говорил мне Алессандро. Про «них» и про то, что «они» давно занимаются похищением девушек, а также про то, что его сестра находится в опасности из-за «них».

– Мне кажется, вы мне врете. Я была нужна вам не для этого, но сейчас ваши планы почему-то изменились, – сказала я.

Джером резко встал и подошел ко мне. Я тоже встала и в упор посмотрела на него.

– Я хочу спасти вас, а вы сами отталкиваете меня. Хорошо, я скажу вам правду, раз вы так настаиваете. Вас везли сюда, чтобы передать в руки одному джентльмену. Я же предлагаю вам свободу.

– Что еще за джентльмен, и зачем я ему нужна?

– Долго рассказывать. Мы могли бы обсудить это во время нашей поездки. Экипаж уже ждет нас на улице. Нам нужно поспешить, пока еще рано.

– Вы не ответили про джентльмена. Я не сдвинусь с этого места, пока вы не расскажете мне о нем, – настаивала я.

– В таком случае придется тащить вас, – Джером уже было схватил меня за руку, как вдруг сзади нас раздался знакомый низкий мужской голос.

– Браво, браво, мой добрый друг Джером! – сказал мужчина, выходя из-под лестницы. – Я стоял тут с самого начала вашего разговора и слышал всю вашу душепитательную беседу от начала до конца.

Незнакомец вышел на свет. Он был высок и очень хорошо одет. Даже издали я уловила запах дорогих духов. Его темные волосы были зачесаны назад. Бледная кожа придавала ему болезненный, но в тоже время аристократичный вид. Его лицо со столь правильными чертами лица было мне знакомо.

«Да это же тот человек, которого я видела у доктора Айзека», – вспомнила я.

– Энтони Шелдон к вашим услугам, – обратился он ко мне. – Помнится, мы встречались с вами, только при других обстоятельствах.

– Энтони, – сказал Джером и тут же нервно сглотнул, – ты все не так понял. Я просто...

– Я все прекрасно понял. Ты предложил бежать ей сейчас только потому, что увидел, насколько она необычна. С ней ты бы смог устраивать хорошие представления и наживаться на ее страданиях. Это нехорошо. Тем более что ты вез ее сюда не для этого, – спокойно сказал Энтони Шелдон.

– Да нет же, я... – Джером не успел договорить, потому как Энтони молниеносно оказался возле него и, схватив за горло, приподнял над землей.

– Слушай меня, жалкий пес, – начал Энтони, – я сохранию тебе жизнь только для того, чтобы ты сегодня же собрал своих жалких людышек и убрался вместе с ними. И чтобы наши пути больше не пересекались! Или, клянусь, ты пожалеешь, что родился на свет!

Энтони разжал руку, и задыхавшийся Джером рухнул на пол, судорожно кашляя.

– Что же касается вас, мисс, то Джером не соврал, на улице действительно вас ждет экипаж. Вас отвезут ко мне домой, где вы переоденетесь и приведете себя в порядок. Вам нечего больше бояться.

Сказав это, Энтони обнял меня за плечи и повел к двери.

«Может, стоит ударить его и попытаться сбежать», – подумала я, но мои мысли о побеге рассеялись, когда я увидела, как Энтони ногой выбил дубовую входную дверь. Буквально перед дверьми стоял большой черный экипаж. Энтони подал мне руку и помог сесть в него, после чего забрался сам.

Лошади тронулись. Энтони сидел напротив и внимательно меня разглядывал. Мне было это неприятно. Я плотнее закуталась в шаль и отвела глаза.

– Можете считать, что все ваши страдания подошли к концу, – сказал Энтони, улыбнувшись.

Глава 5

Экипаж остановился возле красивого большого особняка. Энтони провел меня в дом, где царила странная для меня тишина. Я не увидела ни слуг, ни лакеев, да и экипаж оказался наемным.

– Я отведу вас в вашу комнату. Когда будете готовы, спускайтесь вниз. Подожду вас в библиотеке.

Мы начали подниматься по лестнице на второй этаж, где находилась приготовленная для меня комната. Пройдя по коридору, застеленному дорогими коврами, Энтони остановился перед одной из дверей и, открыв ее, пригласил меня войти.

– Можете не торопиться. Я умею ждать, – сказал он и, развернувшись, ушел.

По правде говоря, этот мужчина околдовал меня. Он был так галантен со мной, не пытался грубить, не проявлял насилие. Даже не запер за мной дверь. Все это подействовало на меня усыпляюще, однако, я все равно сразу подбежала к окну. К моему сожалению, оно было зарешечено. Путь к побегу оказался перекрыт. Я внимательно оглядела комнату и очень удивилась: мебель, сделанная из дорогого дерева, была обита бархатом, над огромной кроватью, каких я еще в жизни не видела, нависал балдахин. Рядом с кроватью стоял туалетный столик с большим зеркалом в позолоченной раме. Налево от кровати заметила узкую дверь. Открыв ее, я оказалась в чудесно обставленной ванной комнате. Выйдя из нее, я еще раз огляделась и увидела в углу шкаф, который проглядела только потому, что дерево, из которого он был изготовлен, было багровым, как и обои, покрывающие все стены комнаты. Я открыла его и удивилась еще больше: он был полон женских нарядов, причем, самых разных фасонов и расцветок. Здесь висели и платья для верховой езды, и вечерние платья, и сорочки из нежного шелка. Все это великолепие поразило меня, ведь мой домашний гардероб ограничивался несколькими потрепанными платьями.

После осмотра комнаты я направилась в ванную и умылась. Сев на мягкий пуфик подле туалетного столика, я впервые за все это время посмотрела на себя в зеркало. От пухлышкой сельской девушки не осталось и следа, – на меня смотрело бледное, изможденное лицо женщины, которой можно было дать все тридцать лет, – под глазами залегли темные тени, а волосы потеряли весь свой прежний блеск.

Кое-как уложив волосы, я стала выбирать платье и остановилась на темно-зеленом, практически идеально подходящем мне по размеру. Оно не отличалось вычурностью и яркостью, как остальные, но было сшито из дорогой тяжелой ткани с вставками из бархата и золотой нити.

Надев туфли на низком каблуке, я спустилась вниз, предварительно проверив все двери, попадавшиеся мне на пути. Может, все-таки мне удастся уйти из дома незамеченной. Но, к моему разочарованию, все двери оказались заперты. Перила лестницы, по которой я спускалась, покрывала пыль, у меня создалось впечатление, что в доме давно никто не прибирался.

Спустившись на первый этаж и поплутав немного по коридору, я наконец попала в просторную библиотеку, где, дымя сигарой, сидел Энтони и читал газету.

– Проходите, не бойтесь, – сказал мужчина, не прерывая чтения.

Я подошла к креслу, где он сидел, и опустилась на небольшой пуфик, стоявший неподалеку.

Наконец Энтони отложил газету и посмотрел на меня.

– Вы выглядите намного лучше, – произнес он, – хотите выпить?

– Нет, – ответила я.

– Тем лучше. Быстрее перейдем к делу.

Я внимательно посмотрела на него, и по спине у меня пробежали мурашки, – никогда прежде я не видела таких холодных и злых глаз на красивом лице. Он выглядел спокойным и даже дружелюбным, однако выражение его глаз говорило об обратном.

– Если бы не ваш глупый поступок той ночью, мы с вами уже были бы в Эдинбурге. Признаюсь, вы меня поразили вашей глупостью. Прыгнуть на кучу бревен! Вы что, хотели убиться?

Я ничего не ответила. Мне хотелось спросить, что стало с Александро, но я не рискнула. Может, он не знает, что цыган участвовал в моей прогулке по крыше.

– Но ваша глупость не очень опечалила меня, когда я узнал о вашем чрезвычайно быстрым выздоровлении. Скажите, что вы сами думаете по этому поводу?

– В смысле? – не поняв вопроса, спросила я.

– Как вам удалось так быстро поправиться? Я говорил с доктором, он сказал мне, что травмы, полученные вами, должны были заживать в течение месяца. И вполне возможно, что вы остались бы калекой. Ну, а после того, что рассказала мне ваша служанка Сабрина, я чуть дара речи не лишился.

Он закончил и в ожидании ответа посмотрел на меня. Мне не хотелось больше глядеть в эти холодные глаза, и я перевела свой взгляд на окно, такое же зарешеченное, как и в моей комнате.

– Признаться, я не знаю, как ответить на ваш вопрос. Думаю, что травмы не были такими тяжелыми, – сказала я первое, что пришло в голову. – Или, может быть, Господь Бог оберегает меня.

Энтони громко засмеялся.

– Господь Бог? Дорогая, я даже и не думал, что вы такая деревенщина. Ну да ладно, может, это и к лучшему. Вы всегда так быстро поправлялись?

Меня задела его фраза о деревенщине, но я сумела не показать этого. «Лучше я прикинусь полной дурой, тогда, может быть, он потеряет бдительность, и я смогу сбежать».

– Не припомню ничего подобного, – ответила я.

– А в детстве? – не унимался Энтони.

– Я была обычным ребенком.

– Странно. Все как-то слишком странно. Подойдите сюда, – сказал, вернее, приказал он.

– Вы устроили мне допрос, позвольте и мне узнать у вас кое-что, – я сказала это, даже не подумав о том, какая реакция может последовать. Ведь жертвой была я, а не он.

Я посмотрела ему в лицо и заметила некое удивление, которое тут же сменилось маской безразличия.

– Ну, и что вы хотите узнать?

– Что я делаю в этом доме и зачем я вам?

Энтони потянулся за новой сигарой и, прикурив ее, глубоко затянулся, после чего отвел:

– Скажем так, вы были выбраны для одной очень важной миссии. Вы подходите нам по всем параметрам – молодая, из хорошей семьи, в какой-то мере образованная. Я остановил на вас выбор после нашей встречи у доктора Айзека. Я расспросил людей о вашей семье и убедился, что не прогадаю, остановившись на вас. А после разговора с Александро я еще больше укрепился в этой вере. Он говорил, что вам наскучила деревенская жизнь и вы жаждете перемен.

«Значит, Александро был всего лишь шпионом. Но почему он тогда говорил о своей сестре Ясмин и о том, что мне лучше бежать?» – подумала я.

– Так что же это за миссия? – спросила я.

– Пока что рано об этом говорить, – ответил Энтони. – Кстати, наверху, под кроватью, лежит чемодан. Соберите туда все, что вам может понадобиться в течение ближайшего вре-

мени. Платья, как вы уже успели заметить, висят в шкафу. Все остальное поищите в комоде, под зеркалом. Как только будете готовы, спускайтесь вниз.

– Мы куда-то уезжаем?

– Вопросы здесь задаю я. Подойдите сюда! – приказал Энтони.

Я боялась его. Не знаю почему, но за время нашего разговора он начал вызывать во мне дикий ужас. Тогда я еще не знала, о чем меня предупреждал Алессандро, но подсознательно чувствовала опасность. Надо было попробовать сделать что-либо для побега, но страх сковал меня.

– Вы не расслышали? Подойдите сюда, – еще раз повелительным тоном сказал Энтони.

Я встала и подошла к нему. Зная о его физической силе, мне не хотелось проверять ее на себе.

– Дайте мне свою руку, – приказал он.

Я протянула ему свою дрожащую руку и почувствовала, как ледяные пальцы сжали мое запястье. Хватка у него была сильной, но больше всего меня удивило его холодное прикосновение. Держа меня за запястье одной рукой, другой он поднял вверх манжету моего рукава, оголив локтевой сгиб руки.

– Какая тонкая, нежная, белая кожа, – усмехнувшись, сказал Энтони.

Вдруг я услышала щелчок, и в руке Энтони что-то блеснуло. Он резко провел этим предметом вдоль моей руки. Я даже не успела почувствовать боль, как предмет уже скрылся в рукаве мужчины.

Алой струей по моей руке полилась горячая кровь. Тут я почувствовала жгучую боль и попыталась вырваться, но Энтони держал меня мертвой хваткой. Тогда я попробовала ударить его рукой, но он перехватил ее и держал меня уже двумя руками. Быстро, словно кошка, он поднялся из своего кресла и в считанные секунды оказался у меня за спиной. Энтони держал меня так, что я не могла пошевелиться, тогда как моя правая рука с порезом оказалась вытянутой вперед. Повернув голову, я увидела, что мужчина сосредоточенно смотрел на мою руку, не обращая внимания ни на что вокруг себя. В отчаяньи, понимая, что не могу ничего сделать, я истошно закричала.

Энтони сильно тряхнул меня и ровным спокойным голосом, так обычно говорят о самых простых и обыденных вещах, сказал мне на ухо:

– Если ты не прекратишь орать, я отрежу по большому пальцу с каждой твоей маленькой ручки.

Меня испугала не сама угроза, а ледяной и спокойный тон, каким она была сказана. Поэтому я решила замолчать. Не поверить угрозе Шелдона было просто невозможно.

«Все же Алессандро был прав. Я попала в опасную ловушку. Нужно что-то делать», – подумала я.

От испуга и переживаний я совсем забыла, из-за чего все это происходит и почти не ощущала боли. Когда я снова посмотрела на свою руку, то увидела, что кровь перестала течь. Рана затягивалась очень быстро, и от пореза осталась лишь царапина с запекшейся кровью по краям, а через какое-то время и сама царапина пропала. Рука была снова целой и невредимой, только немного запачканной кровью.

Энтони резко отпустил меня, и от неожиданности я оступилась и упала на пол. Но он, как будто не замечая меня, отвернулся к окну и сказал что-то. Я не расслышала всей фразы, уловила только ее конец «...неужели я нашел это?».

Я встала и, осторожно выйдя из комнаты, сразу кинулась к входной двери, которая, конечно же, была заперта. Я бросилась в другой конец дома, пробуя открыть по пути все двери, но они были заперты. Незарешеченные окна были заколочены досками. Я в ужасе понимала, что мне некуда бежать. И никто не придет мне на помощь, хотя бы потому, что никто не знает, где я нахожусь. Даже если родители обратились в полицию, вряд ли меня станут искать так

далеко от дома. Если им удалось проследить путь циркового каравана, то сейчас я была далеко и от него. Надежды на спасение со стороны не было. Меня могут убить, и никто не узнает об этом. Только в этот момент я наконец поняла, в какую страшную ситуацию попала. Цыганский табор показался бы мне сейчас раем.

Я стояла в темном углу, рядом с очередной запертой дверью, ведущей неизвестно куда. Сердце колотилось как бешеное, голова была полна мыслей. Как вдруг за спиной я услышала голос Энтони:

– Ты зря ищешь выход. Его здесь нет. Единственный выход для тебя – это собрать нужные тебе вещи и поехать со мной.

Я уже поняла, что лучше его не злить. Поэтому решила во всем подчиняться ему, по крайней мере, сейчас. А там будет видно. Не станет же он все время скрывать меня от внешнего мира? Я смогу выпрыгнуть из того же экипажа и убежать. Я повернулась к нему лицом и, смотря в пол, тихо спросила:

– Если я буду делать все, что вы мне говорите, вы меня потом отпустите?

– Даю слово, – сказал он.

Я знала, что он врет, как врал и тогда, когда объяснял, почему выбрал своей жертвой именно меня. Но что мне оставалось, кроме как согласиться с ним? Хотя бы на какое-то время.

– Хорошо. Я соберу вещи и спущусь вниз.

– Хорошая девочка, – услышала я вслед себе.

* * *

Мы выехали незамедлительно, как только я с чемоданом в руках спустилась в холл. На этот раз возле дверей нас ждал не экипаж, а большой автомобиль. Это была моя первая поездка на автомобиле. Жаль, что она случилась при таких обстоятельствах.

За рулем машины сидел водитель Энтони – бледный, светловолосый человек. Стоило мне закрыть за собой дверь, как он тут же завел двигатель и тронулся с места. Энтони опустил плотные шторы на окнах автомобиля, и мы погрузились в полуумрак. Через какое-то время он закурил. Теперь я могла видеть ярко-красную огненную точку его сигары. Словно кровавый глаз, она смотрела на меня из темноты. От едкого табачного дыма мне стало плохо: закружилась голова и начало тошнить. Мне было так дурно, что я инстинктивно попыталась открыть дверь автомобиля, но она не поддавалась.

– Хотите сбежать? – услышала я голос Энтони.

– Мне дурно. Остановитесь, – взмолилась я. Энтони ничего не ответил, но через какое-то время взял меня за руку и положил на ладонь какую-то пилюлю.

– Проглоти это, и тебе станет легче, – сказал он.

– Откуда мне знать, что это не яд? – спросила я.

– Я мог убить тебя еще утром. Это было бы гораздо проще, нежели убивать тебя сейчас. Да и какой в этом смысл? – сказал Энтони.

Я проглотила таблетку, и через какое-то время мне действительно стало лучше, даже страх прошел, и в конце концов я задремала.

Меня разбудил свежий и прохладный поток воздуха, коснувшийся лица. Очнувшись от беспокойного сна, я увидела открытую дверь автомобиля и стоявшего возле нее Энтони.

Как только я вышла из авто, Энтони взял меня под руку и повел вперед. Была ночь, поэтому хорошенько разглядеть место, где мы остановились, у меня не получилось. К тому же я все еще была вялой после пилюли. Но все же я увидела, что мы идем к главному входу огромного, по всей видимости, старинного особняка, по обеим сторонам которого раскинулся парк. Тяжелая деревянная дверь, как по волшебству, отворилась. Оказалось, ее нам открыла полная женщина, державшая в руке серебряный подсвечник с толстой зажженной свечой.

– Господин! – удивившись, сказала она, – мы вас не ждали сегодня. Но, впрочем, вы же знаете, что ваша комната всегда готова.

Не обращая на ее слова никакого внимания, Энтони сказал:

– Этую девушку поселите в левом крыле дома. Комната «Орхидеи».

Женщина посмотрела на меня и пожала плечами:

– Как прикажете, – ответила она.

– И смотри, Эмма, не своди с нее глаз.

– Я знаю свое дело, господин, – ответила та и, взглянув на меня, сказала, – не думайте улизнуть от меня. Этого еще никому не удавалось сделать.

После этого она крепко взяла меня за руку и повела куда-то по темным коридорам этого загадочного дома.

Слабое пламя свечи не позволяло мне рассмотреть дом, но все же я поняла, что этот особняк, в отличие от предыдущего, обитаем: то тут, то там стояли вазы со свежими цветами, я не чувствовала запаха пыли или затхлости, а звуки, раздававшиеся в разных концах дома, говорили о том, что мы тут не одни. «Скорее всего, здесь много слуг, и, может быть, мне удастся с кем-то договориться о побеге», – подумала я.

Мы шли по левой части дома, не спускаясь и не поднимаясь куда-либо. Шли уже довольно долго, и я поняла, что особняк просто огромный. «Кто же такой этот Шелдон, раз может позволить себе жить в таком замке?» Мы подошли к одной из дверей, Эмма достала из складок своей юбки огромную связку ключей и без труда нашла нужный ей. Открыв дверь, она подтолкнула меня вовнутрь, а после зашла сама. Эмма дернула за шнурок, висевший по левую сторону от двери, и комната волшебным образом наполнилась светом.

– Здесь ты будешь жить. Еда три раза в день. Не делай никаких глупостей и не пытайся убежать. Если господин разрешит, сможешь иногда выходить на прогулку.

– Но, зачем… – я не успела закончить фразу, потому что Эмма уже хлопнула дверью перед моим носом, оставив меня в одиночестве. Помню, я какое-то время смотрела на дверь, а потом у меня началась истерика. Я кричала, рыдала, била руками и ногами в дверь, но никто как будто не слышал меня. Как чумная, я металась по замкнутому пространству. Не знаю, сколько длилось мое безумие, в комнате не было часов, да и окон тоже. Я понимала, что своим поведением делаю хуже только себе. Во-первых, я теряла жизненные силы, во-вторых, в любой момент мог прийти кто-то и поколотить меня, в-третьих, мне надо было собраться и хорошенько поразмыслить, а не тратить время попусту. Но моя истерика оказалась сильнее доводов рассудка. В конце концов, я легла на кровать, свернувшись калачиком и уже совсем тихо заплакала.

* * *

Я проснулась от звука открывающейся двери и тут же села на кровати. В комнату с подносом вошла Эмма. Она окинула меня взглядом, ничего не сказала и, молча поставив поднос на столик, собралась уходить.

– Постойте, – взмолилась я и, вскочив, подбежала к ней, – прошу вас, помогите мне.

Эмма вопросительно посмотрела на меня.

– Пожалуйста, скажите, зачем я тут? Меня силой привезли в этот дом. Я из хорошей семьи, поверьте, вам хорошо заплатят, если вы поможете мне вернуться домой.

Толстое лицо Эммы скрчилось в презрительной гримасе:

– Я ничем не могу тебе помочь.

Она уже взялась за ручку двери и приоткрыла ее. Я решила во что бы то ни стало опередить ее, но толстая сильная рука служанки оттолкнула меня, словно я была пушинкой.

— Даже не думай сбежать отсюда и не подговаривай меня помогать тебе в этом. Я здесь для того, чтобы следить за тобой.

Эмма вышла из комнаты, ключ несколько раз провернулся в замке, и вся моя надежда на помощь с ее стороны испарилась.

Какое-то время я просидела на кровати, но потом все же посмотрела, что мне принесла Эмма. Оказалось, овсянную кашу, стакан молока и хлеб. Я немного поела, а потом опять сидела и смотрела на стену.

Прошло несколько дней. Мне казалось, что я схожу с ума. Время тянулось очень медленно. Эмма три раза в день приносила мне еду. Она также принесла чемодан с вещами, которые я взяла из дома Энтони Шелдона. Больше я никого не видела. В конце концов, я утратила какую-либо надежду на спасение и пребывала в унынии.

Через неделю (или около того) Эмма, как обычно, зашла ко мне, но в этот раз подноса в руках у нее не было.

— Вставай, пойдем со мной, — сказала она.

Я хмуро посмотрела на женщину, нехотя поднялась с кровати и пошла за ней. Мне было настолько безразлично, куда меня ведут, что я даже не обращала внимания на обстановку дома, по которому мы шли. Наконец в какой-то комнате Эмма передала меня в руки молодой женщины, которой поручили привести меня в порядок — помыть, расчесать волосы, сделать прическу и переодеть.

Меня одели в ярко-красное атласное платье с открытым вырезом и довольно широкой юбкой. Оно было явно не современного кроя и к тому же очень вызывающим. Я чувствовала себя в нем неловко, мне хотелось прикрыть чем-то плечи и декольте.

Как только служанка закончила возиться со мной, на пороге тут же появилась Эмма с тяжелым бархатным плащом в руке, который она накинула мне на плечи.

— Пойдем, — сказала она мне.

После непродолжительных блужданий по дому мы вышли из этого огромного замка-лабиринта на улицу.

Было сумрачно, как ночью. Но, так как осенью темнеет довольно рано, я решила, что сейчас примерно часов восемь вечера. Я так давно находилась в закрытом помещении, что свежий запах травы и деревьев опьянил меня. Слезы брызнули из глаз, так мне захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда, но рука Эммы крепко сжимала мою выше локтя. Мы шли вдоль стены дома, я подняла голову и увидела, что во многих окнах горит свет, мне даже показалось, что я слышу голоса людей.

Наконец мы подошли к узкой двери. Эмма достала свою громадную связку и через секунду уже нужным ключом открыла дверь. Корridor, по которому я шла, был темным и узким, чтобы не оступиться и не упасть, я хваталась руками за стены. В какой-то момент я уперлась в дверь. Эмма сказала мне постучать, я повиновалась, и через время послышалась возня, — дверь открылась, и я увидела перед собой Энтони.

— Прошу вас, — сказал он.

Я зашла в комнату, и дверь за мной тут же захлопнулась. Эмма в комнату не вошла.

Я оказалась один на один с Шелдоном в довольно маленькой комнате. Стол, два кресла и шкаф. Больше тут ничего не было.

— Вы плохо выглядите, такая бледная. Мне следовало лучше о вас заботиться, — произнес Энтони.

Я посмотрела на него и, несмотря на свое апатичное состояние, удивилась его внешнему виду. Он шикарно выглядел, — ему очень шел фрак, а волосы были зачесаны назад и блестели.

— Дорогая, вам не следует грустить. Мы устраиваем праздник, и вы должны быть веселой.

Я по-прежнему не отвечала, а только смотрела на него. По-видимому, ему это не понравилось. Он подошел ко мне и, схватив за плечи, сильно тряхнул. Бархатный плащ соскользнул с моих плеч, оголив их, но Энтони даже не обратил на это внимания.

– Не разыграй комедию и не прикидывайся больной. Я знаю, что с тобой все в порядке. Сейчас мы пойдем в зал, и ты станешь танцевать со мной и другими гостями, будешь улыбаться и смеяться.

– А что если нет? – спросила я. – Вы побьете меня? Лишите воды и еды? Убьете? Или что? Энтони ухмыльнулся, отпустил меня и, немного отойдя, закурил сигару.

– Тогда кое-кто пострадает.

– И кто же?

– Пойдем, я покажу тебе.

Энтони грубо взял меня за руку, и мы вышли из комнаты. Пройдя немного влево, мы оказались перед лестницей, ведущей вниз. Продолжая курить, мой мучитель сказал:

– Дамы вперед, – и подтолкнул меня к спуску. Приподняв подол платья, я начала спускаться.

В подвальном помещении Энтони повел меня по одному из его коридоров. Мы шли мимо закрытых дверей, откуда не доносилось ни звука. Несколько раз я видела крыс, и мураски пробегали по моей спине. Тут пахло сыростью и гнилью. Наконец мы остановились возле одной из дверей, и Энтони кивком головы указал на нее.

– Встаньте на цыпочки и посмотрите в окошко. Может, узнаете кого-то.

С испугом и недоумением я посмотрела на него и в нерешительности подошла к двери. Я боялась заглянуть в окошко, потому что не знала, что могу там увидеть, но я все же собралась с духом и сделала это. Поначалу я ничего не увидела, кроме темной каменной камеры, но вскоре заметила в углу какое-то движение.

Я напрягала зрение, но все равно не понимала, кто или что передо мной. Вдруг это нечто поднялось и начало приближаться ко мне.

– Неужели это ты? – услышала я знакомый голос. Вначале я не поняла, кто это, но через несколько секунд узница с опухшим от синяков и ссадин лицом показалась мне знакомой. Это была... Диана.

– Диана! Господи! – закричала я. Мои апатия и безразличие улетучились в один миг. – Что они с тобой сделали?

– Милая, – тихо сказала Диана, – я не понимаю, что происходит.

Я в ужасе и испуге смотрела на то, во что превратилась моя красавица сестра. Когда-то она была крепкой красивой девушкой, а сейчас на меня смотрел обтянутый кожей скелет. Ее волосы были запутаны и сбиты в колтуны, а лицо и руки были синими от побоев.

– Что вы с ней сделали? – закричала я и набросилась на Энтони.

Мне хотелось расцарапать ему глаза, перегрызть горло, сделать что угодно, чтобы только отомстить за свою сестру. Но Энтони был слишком силен, он схватил меня и, прижав к стенке, сказал:

– Если ты не подчинишься мне, я убью ее. Если будешь хорошо себя вести, то уже утром отпущу вас обеих.

– Не слушай его, он убьет тебя, – раздался голос Дианы из камеры.

– Заткнись! – проревел Энтони и снова обратился ко мне: – У тебя все равно нет выбора. Если откажешься, то я убью ее прямо сейчас, на твоих глазах.

– Какой смысл мне верить вам? Вы меня обманете, – закричала я, вырываясь.

– Гарантий никаких нет, но лучше тебе согласиться.

Я перевела взгляд на измученное лицо Дианы. «Каким образом она оказалась у них в руках?» – подумала я. Надо было что-то предпринимать. Я понимала, что не могу доверять Энтони, но и не могла не подчиниться ему.

- Согласна, – тихо сказала я.
- Что ты сказала? – сделав вид, что не расслышал, переспросил Энтони.
- Я сказала, что согласна. Я сделаю все, что вы от меня хотите.
- Мудрое решение, – одобрил Энтони. – В таком случае нам нужно торопиться. Нас ждут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.